

Рудольф Штайнер

Очерк тайноведения

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183092
Очерк тайноведения: Феникс; Ростов н/Д; 2004
ISBN 5-222-05297-4

Аннотация

Рудольф Штейнер (1861–1925), немецкий философ, основатель антропософии, в предлагаемой читателям книге, как и во многих других, развивает оккультно-мистическое учение о человеке как носителе «тайных» духовных сил, выявление и раскрытие которых можно осуществлять с помощью особой системы воспитания.

Книга предназначена для всех, интересующихся оккультными науками, а также для широкого круга читателей.

Содержание

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ	4
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	8
ГЛАВА 1	12
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Рудольф Штейнер

Очерк тайноведения

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Кто решается излагать данные духовно-научных исследований такого рода, какие приведены в этой книге, тот должен прежде всего считаться с тем, что этот род в настоящее время в широких кругах считается невозможным. Не высказываются ли в последующем изложении вещи, о которых строгое, по нашему времени, мышление утверждает, что они «для человеческого ума остаются, по-видимому, вообще неразрешимыми». Кто знает и умеет ценить мотивы, приводящие многих серьезных людей к утверждению подобной невозможности, у того всегда будет желание снова попытаться показать, на каких недоразумениях основывается вера, будто человеческому познанию не дано проникать в сверхчувственные миры.

Ибо мы имеем перед собой двоякое. Во-первых, ни одна человеческая душа не сможет при более глубоком размышлении надолго замкнуться перед фактом, что ее самые важные вопросы о смысле и значении жизни должны были бы остаться без ответа, если бы не было доступа к сверхчувственным мирам. Можно теоретически обманывать себя относительно этого факта, но глубины душевной жизни не последуют за этим самообманом. Кто не хочет прислушиваться к этим душевным глубинам, тот, естественно, отклонит рассуждения о сверхчувственных мирах. Однако, есть люди, число которых поистине не так уже мало, которые никак не могут оставаться глухи к требованиям этих глубин. Они всегда будут стучаться во врата, которые, по мнению других, закрывают «непостижимое».

Во-вторых, отнюдь не следует считать маловажными доводы «строгости мышления». Кто имеет с ними дело, тот там, где нужно отнестись к ним серьезно, сумеет вполне почувствовать эту серьезность. Автор этой книги не желал бы, чтобы на него смотрели как на человека, который с легким сердцем пренебрегает громадной работой мысли, которая была приложена к определению границ человеческого разума. С этой работой мысли нельзя разделиться несколькими общими фразами о «школьной мудрости» и т. д. Работа эта, как она проявляется во многих случаях, имеет свой источник в истинном борении познания и подлинной остроте ума. Следует даже признать гораздо большее: существуют доводы в пользу того, что познание, которое в настоящее время считается научным, не может проникать в сверхчувственные миры, и эти доводы в известном смысле неопровержимы.

Так как это без дальних слов признается и самим автором этой книги, то многим может показаться очень странным, что он все-таки решается давать сообщения, касающиеся сверхчувственных миров. Чтобы кто-нибудь допускал в известном смысле доводы в пользу непознаваемости сверхчувственных миров и тем не менее говорил об этих сверхчувственных мирах, это кажется прямо-таки невозможным. И все же такое отношение возможно. И можно в то же время понимать, что это отношение будет ощущаться как противоречивое. Ведь не каждый вникает в те опыты, которые выносишь, когда с человеческим рассудком подходишь к сверхчувственной области. Тогда оказывается, что доказательства этого рассудка могут быть неопровержимыми и, однако, несмотря на свою неопровержимость, могут не иметь для действительности решающего значения. Вместо всяких теоретических толкований сделаем здесь попытку объясниться при помощи сравнения. Что сравнения сами по себе недо-

казательны, это признается без дальних слов. Но это не мешает им часто делать понятным то, что должно быть выражено.

Человеческое познание, как оно работает в повседневной жизни и в обыкновенной науке, действительно таково, что не может проникать в сверхчувственные миры. Это можно доказать неопровержимо; однако это доказательство будет иметь для известного рода душевной жизни ту же цену, как и доводы, приводимые в пользу того, что естественный глаз человека с его способностью зрения не может проникать до мелких клеточек живого существа или до строения отдаленных небесных тел. Как правильно и доказуемо утверждение, что обычная способность зрения не проникает до клеточек, столь же правильно и доказуемо и другое утверждение – что обыкновенное познание не может проникать в сверхчувственные миры. И тем не менее доказательство, что обыкновенная способность зрения должна остановиться перед клеточками, ничего не говорит против исследования клеточек. Почему же доказательство, что обыкновенная способность познания принуждена остановиться перед сверхчувственными мирами, должно говорить против исследуемости этих миров?

Можно вполне отдавать себе отчет в ощущении, которое многие должны испытать при этом сравнении. Можно даже понимать, когда высказывается сомнение, имеет ли человек, выступающий против этой работы мысли с подобным сравнением, хотя бы только смутное представление о всей серьезности этой работы. И однако пишущий эти строки не только проникнут этой серьезностью, но и придерживается взгляда, что эта работа мысли относится к благороднейшему, что сделано человечеством. Доказывать, что человеческая способность зрения не может невооруженной проникать до клеточек, было бы, конечно, бесполезным занятием; но осознать в строгом мышлении природу этого мышления является необходимой духовной работой. Если человек, отдающийся этой работе, не замечает, что действительность может опровергнуть его, то это легко можно понять. Насколько неуместно в предварительных замечаниях к этой книге вдаваться в разбор многих «опровержений», последовавших на первые издания со стороны лиц, у которых отсутствует всякое понимание поставленной здесь задачи или которые направляют свои несправедливые нападки на личность автора, настолько же необходимо подчеркнуть, что в слишком низкой оценке серьезной научной мыслительной работы может заподозрить эту книгу лишь тот, кто хочет замкнуться перед образом мыслей, изложенным в этой книге.

Познание человека может быть усилено и укреплено, как может быть усилена способность зрения глаза. Только средства для укрепления познания – совершенно духовного рода: это внутренние, чисто душевные деятельности. Они состоят в том, что описывается в этой книге как медитация, концентрация (созерцание). Обыкновенная душевная жизнь связана с орудиями тела; укрепленная душевная жизнь освобождается от них. В настоящее время существуют направления мысли, для которых такое утверждение должно казаться совершенно бессмысленным и основанным лишь на самообмане. Такие направления мысли со своей точки зрения легко сумеют доказать, что «всякая душевная жизнь» связана с нервной системой. Кто стоит на точке зрения, с которой написана эта книга, тот вполне понимает такие доказательства. Он понимает тех, которые говорят, что только поверхностный человек способен утверждать, будто можно иметь какую-нибудь независимую от тела душевную жизнь, которые совершенно убеждены в том, что и для подобных душевных переживаний существует связь с нервной жизнью, но только «духовно-научный дилетантизм» не умеет разглядеть ее.

Тому, что описывается в этой книге, так резко противостоят здесь известные – вполне понятные – привычки мышления, что в настоящее время еще нет никакой надежды прийти к соглашению со многими. Мы касаемся здесь как раз той точки, где неизбежно возникает желание, чтобы в духовной жизни нашего времени люди отказались, как от несвойственного ей, от обычая тотчас же возводить в ересь и упрекать в фантастике, мечтательности и т. д.

всякое направление исследования, резко отличное от их собственного. Но, с другой стороны, мы имеем перед собой уже и в настоящее время тот факт, что сверхчувственный способ исследования, как он представлен в этой книге, находит понимание со стороны известного количества людей. Людей, которые понимают, что смысл жизни не раскрывается в общих фразах о душе, о «Я» и т. д., а может быть найден только при действительном вникании в результаты сверхчувственного исследования. И если автор этой книги глубоко ощущает теперь необходимость этого четвертого издания после сравнительно короткого промежутка времени, то это происходит не по нескромности, а из чувства радостного удовлетворения.

Чтобы нескромно подчеркивать появление этого нового издания, для этого автор слишком ясно чувствует, как мало отвечает оно и в теперешнем своем виде тому, чем оно, собственно, должно было бы быть как «очерк сверхчувственного мировоззрения». Для нового издания все было еще раз переработано, в важных местах были вставлены многие дополнения, относительно других мест были сделаны попытки более ясного изложения. Однако в многочисленных случаях автор чувствовал, как неподатливы оказываются средства доступного ему изложения по сравнению с тем, что показывает сверхчувственное исследование. Так, можно было указать не более как только путь к достижению тех представлений, какие даются в этой книге о развитии Сатурна, Солнца, Луны. В этой области также введена была вкратце в это издание новая важная точка зрения. Но переживания, касающиеся таких явлений, настолько отличаются от всех переживаний в чувственной области, что изложение их вынуждает к непрерывной борьбе за выражения, которые казались бы хоть несколько удовлетворительными. Кто склонен вникнуть в сделанную здесь попытку изложения, может быть, заметит, что многое, чего не может сказать сухое слово, автор стремился дать в самом способе описания. Последнее ведется, например, при развитии Сатурна иначе, чем при развитии Солнца, и т. д.

Много дополнений и расширений, казавшихся важными автору этой книги, было внесено в новом издании во вторую часть книги, где говорится о «познании высших миров». Автор стремился наглядно представить род внутренних душевных процессов, благодаря которым познание освобождается от своих, присущих ему в чувственном мире, границ и делается способным к переживанию сверхчувственного мира. Автор пытался показать, что это переживание, хотя и приобретаемое совершенно внутренними средствами и путями, имеет, однако, не одно только субъективное значение для отдельного человека, который его достигает. Из изложения должно было стать ясным, что внутри души устраняется ее отъединенность и личная обособленность и достигается переживание, которое испытывает одинаковым образом каждый человек, который правильно, исходя из своих субъективных переживаний, вызывает это развитие. Только тогда, то есть только если представить себе это переживание именно таким, можно бывает отличить «познание сверхчувственных миров» от всех переживаний чисто субъективной мистики и т. д. О такой мистике можно сказать, что она все-таки более или менее субъективное дело самого мистика. Духовно-научная же школа души, как она здесь разумеется, стремится к таким объективным переживаниям, истинность которых хотя и познается совершенно внутренне, но которые именно поэтому и постигаются в их всеобщей значимости. И здесь мы опять-таки касаемся точки, где очень трудно прийти к соглашению со многими мыслительными привычками нашего времени.

В заключение автор книги хотел бы высказать замечание, чтобы и сочувствующими это изложение было принято за то самое, за что оно выдает себя по своему содержанию. В наше время весьма распространено стремление давать тому или иному духовному направлению какое-нибудь старое название. Только благодаря этому представляется оно иному чем-то ценным. Но позволительно спросить: что выиграет изложение этой книги от того, что оно будет обозначено, как «розенкрейцеровское» или т. п.? Важно то, что здесь делается попытка проникнуть в сверхчувственные миры при помощи средств, которые в настоящий период

развития возможны для души и соответствуют ей, и что с этой точки зрения рассматриваются загадки человеческой судьбы и человеческого бытия за пределами рождения и смерти. Дело здесь должно идти не о стремлении, носящем то или иное старое название, но о стремлении к истине.

С другой стороны, к изложенному в книге мировоззрению были применены также и с враждебным намерением разные обозначения. Не говоря уже о том, что те из них, которыми больше всего хотели задеть и дискредитировать автора, нелепы и объективно неверны, — такие обозначения характеризуют себя в своей недостойности тем, что умаляют совершенно независимое стремление к истине, а именно, судя о нем не из него самого, но пытаясь навязать другим как суждение, выдуманную ими самими или принятую без всяких оснований и распространяемую дальше зависимость от того или иного направления. Как ни необходимы эти слова ввиду многих нападок на автора, однако здесь он не хочет входить в дальнейшее обсуждение этого вопроса.

Написано в июне 1913 г. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Кто предаст гласности такую книгу, как эта, тот должен быть в состоянии со спокойствием представить себе все оценки своего произведения, какие возможны в настоящее время. Так, например, возможно, что данное здесь изложение того или иного вопроса прочел бы человек, выработавший себе мысли об этих вещах сообразно с результатами научных исследований. И он мог бы прийти к следующему суждению: «Удивляешься, как вообще только возможны в наше время подобные утверждения. С простейшими естественнонаучными понятиями обходятся здесь так, что из этого можно заключить о прямо-таки непонятной неосведомленности в самых элементарных познаниях. Автор пользуется понятиями, например, «теплоты», так, как это мог бы сделать только тот, для кого прошел бесследно весь образ мышления современной физики. Каждый, кому знакомы хотя бы только первоначальные основы этой науки, мог бы показать ему, что то, что он говорит, не заслуживает даже названия дилетантства, и что это может быть охарактеризовано только выражением: «абсолютное невежество». Можно было бы привести много таких утверждений, выражающих подобную, вполне возможную оценку. Но после вышеприведенных замечаний мыслимо было бы, пожалуй, и следующее заключение: «Кто прочел несколько страниц из этой книги, тот отложит ее с улыбкой или с возмущением, смотря по своему темпераменту, и скажет себе: странно, однако, какие порождения может в настоящее время производить извращенное направление мышления. Лучше всего отнести эти рассуждения ко многим другим встречающимся ныне курьезам». Но что скажет автор этой книги, если бы он действительно услышал такую оценку? Не должен ли он просто, со своей точки зрения, счесть этого критика за читателя, не способного составить себе суждение, или даже за человека, у которого не хватает доброй воли, чтобы прийти к разумному суждению? На это следует ответить: нет, автор поступает так отнюдь не всегда. Он может представить себе, что его критик может быть очень умным лицом, а также дельным ученым или человеком, который вполне добросовестным образом составляет свое суждение. Ибо автор в состоянии вдуматься в душу такого лица и в мотивы, которые могут привести его к такому суждению. Чтобы сделать понятным, что действительно хочет сказать автор, необходимо нечто, кажущееся ему самому порой неуместным, но к чему как раз эта книга настойчиво побуждает, а именно: коснуться кое-чего личного. Во всяком случае в этом направлении не будет сказано ничего такого, что не стояло бы в связи с решением написать эту книгу. То, что говорится в такой книге, конечно, не имело бы права на существование, если бы оно носило только личный характер. Она должна содержать в себе изложение того, к чему может прийти каждый человек, и это должно быть сказано так, чтобы не было заметно никакой личной окраски, поскольку это вообще возможно. Итак, не в этом смысле надо понимать здесь личное. Оно должно иметь целью только объяснить, каким образом автор может находить понятной вышеприведенную оценку своих рассуждений и все-таки мог написать эту книгу. Конечно, могло бы быть нечто, что сделало бы излишним упоминание об этом личном: если бы обстоятельно остановиться на всех подробностях, показывающих, каким образом изложенное в этой книге в действительности все-таки согласуется со всеми успехами современной науки. Но для этого, конечно, необходимо было бы написать много томов как введение к этой книге. Так как они в настоящее мгновение не могут быть представлены, то автору кажется необходимым сказать, на основании каких личных обстоятельств он полагает себя вправе считать, что такое согласование может быть проведено удовлетворительно. Конечно, он никогда не решился бы напечатать то, что говорится в этой книге, например, относительно тепловых явлений,

если бы он не мог признаться себе в следующем: он имел возможность уже тридцать лет тому назад заняться изучением физики, которое коснулось различных областей этой науки. В области тепловых явлений особенным предметом изучения были тогда объяснения, принадлежащие к так называемой «механической теории теплоты». И эта «механическая теория теплоты» интересовала его даже совсем особенно. Историческое развитие соответствующих толкований, которое было тогда связано с такими именами, как Юлий Роберт Майер, Гельмгольц, Джоуль, Клаузиус и т. д., принадлежало к предметам его постоянного изучения. Благодаря этому он в пору своего учения создал себе достаточную основу и возможность, чтобы до настоящего времени следить за всеми фактическими успехами в области физического учения о теплоте и не встречать никаких препятствий для своих попыток проникновения во все то, что дает в этой области наука. Если бы автор должен был сказать себе, что он не в состоянии этого сделать, то это было бы для него основанием оставить изложенное в этой книге несказанным и ненаписанным. Он действительно сделал это своим основным правилом: говорить или писать в области духоведения только о том, о чем он может испытывать, как ему кажется, образом сказать, и то, что знает об этом современная наука. Этим он отнюдь не хочет высказать чего-нибудь такого, что должно быть общим требованием, обращенным ко всем людям. Каждый с чувством полного права может быть вынужден сообщать и обнародовать то, к чему его побуждает его способность суждения, его здоровое чутье правды и его чувство, даже когда он не знает всего, что можно сказать об этих вещах с точки зрения современной науки. Автор этой книги желал бы придерживаться вышесказанного только в применении к себе. Он не сделал бы, например, тех нескольких утверждений о системе желез у человека или о человеческой нервной системе, которые приведены в этой книге, если бы он не был в состоянии попытаться высказаться об этих вещах также и в тех формах, в которых говорит современный ученый естествоиспытатель с точки зрения науки о системе желез или о нервной системе. Итак, несмотря на то, что возможно суждение, будто тот, кто говорит о «теплоте» так, как это сделано здесь, ничего не знает о начальных основах современной физики, все же остается верным, что автор этой книги считает себя в полном праве сделать то, что он сделал, так как он стремится быть действительно знакомым с результатами современных исследований и не стал бы так говорить, если бы они были ему чужды. Он знает, что мотив, по которому высказывается такое основное правило, очень легко может быть смешан с нескромностью. Но все-таки необходимо высказать это относительно этой книги, дабы истинные мотивы автора не были смешаны с совершенно другими. А такое смешение могло бы оказаться еще гораздо худшим, чем смешение с нескромностью.

Но возможна была бы оценка также и с философской точки зрения. Она могла бы сложиться следующим образом. Кто прочтет эту книгу как философ, тот спросит себя: «Неужели автор проспал всю теоретико-познавательную работу нашего времени? Неужели он никогда не слышал о существовании Канта и о том, что после него философски просто непозволительно говорить подобные вещи». Опять-таки можно было бы пойти дальше в этом направлении. Но суждение могло бы закончиться и так: «Для философа подобные некритические, наивные, дилетантские вещи невыносимы, и дальнейшее занятие ими было бы потерей времени». На основании того же мотива, который был указан выше, автор желал бы и здесь, несмотря на все недоразумения, которые могут в связи с этим возникнуть, снова привести нечто личное. Изучение им Канта началось на шестнадцатом году его жизни, и теперь он поистине считает себя в состоянии совершенно объективно судить с точки зрения Канта обо всем том, что говорится в данной книге. Он и с этой стороны имел бы основание оставить эту книгу ненаписанной, если бы он не знал того, что может побудить философа считать ее наивной, когда к ней приложен критический масштаб современности. Но можно действительно знать, как преступаются здесь в смысле Канта границы возможного познания; можно знать, как Гербарт нашел бы здесь «наивный реализм», не дошедший до «выра-

ботки понятий» и т. д.; можно даже знать, как современный прагматизм Джемсе, Шиллера и т. д. нашел бы перейденной меру того, что суть «истинные представления», которые «мы можем себе усвоить, доказать, применить и проверить».¹ Можно все это знать и, несмотря на это, даже именно поэтому, считать себя вправе написать все изложенное дальше. Автор этой книги высказал свой взгляд относительно философских направлений мысли в своих книгах: «Теория познания гетевского мировоззрения», «Истина и наука», «Философия свободы», «Мировоззрение Гете», «Миро– и жизневоззрения в девятнадцатом столетии».

Много различных возможных оценок можно было бы еще привести. Мог бы также встретиться человек, который прочел бы одну из более ранних книг автора, например «Миро– и жизневоззрения в девятнадцатом столетии» или, пожалуй, его маленькую книжечку «Геккель из его противники». Такой человек мог бы сказать: «Это просто непостижимо, как один и тот же человек мог написать те книги, а в то же время и эту, наряду с его уже появившейся «Теософией». Как можно было некогда так вступаться за Геккеля, а затем бросать вызов всему, что вытекает и исследований Геккеля, как здоровый «монизм»? Было бы понятно, если бы автор «Тайноведения» с «огнем и мечом» выступил против Геккеля; но что он защищал его, что он даже посвятил ему «Миро– и жизневоззрения в девятнадцатом столетии», – это есть самое чудовищное, что можно помыслить. Геккель, конечно, поблагодарил бы за это посвящение «недвусмысленным отклонением», если бы знал, что посвящающий некогда напишет нечто подобное этому «Тайноведению» с его более чем нескладным дуализмом». Автор этой книги придерживается того взгляда, что можно очень хорошо понимать Геккеля и все-таки не быть обязанным думать, что понимаешь его только, когда считаешь за бессмыслицу все, что не вытекает из собственных представлений и предпосылок Геккеля. Но далее он придерживается еще и того взгляда, что к пониманию Геккеля приходишь не тогда, когда борешься против него с «огнем и мечом», но когда вникаешь в то, что он дал науке. И менее всего полагает автор, что правы противники Геккеля, от которых он, например, в своей книге «Геккель и его противники» защищал великого естествонаучного мыслителя. Поистине, если автор этой книги выходит за пределы предпосылок Геккеля и ставит духовный взгляд на мир рядом с чисто природным взглядом Геккеля, то из этого не следует, что он одного мнения с противниками последнего. Кто постарается правильно взглянуть на дело, тот сможет заметить согласие между нынешними трудами автора и прежними.

Автору совершенно понятен и такой критик, который просто, без дальних слов смотрит на изложенное в этой книге как на порождения дикой фантастики или мечтательной игры мысли. Но все, что можно сказать на это, содержится в самой книге. Там показано, как разумное мышление может и должно стать в полной мере пробным камнем для изложенного. Кто к этому изложенному применит способ разумной проверки так же, как она применяется сообразно с сущностью дела, например, к фактам естествоведения, только тот сможет решить, что говорит разум при такой проверке.

После того, как было так много сказано о лицах, готовых с самого начала отклонить эту книгу, может быть обращено несколько слов также и к тем, которые имеют основание отнестись к ней сочувственно. Для них, однако, самое существенное содержится в первой главе «Характер тайноведения». Но к этому здесь нужно прибавить еще несколько слов. Хотя книга занимается исследованиями, которые не могут быть произведены связанным с чувственным миром рассудком, однако в ней не приведено ничего такого, что может быть непонятно непредвзятому разуму и здоровому чувству правды каждого, кто захочет применить эти человеческие дарования. Автор говорит это прямо: он хотел бы прежде всего иметь чита-

¹ Можно было даже серьезно принять во внимание и изучить философию «Как если бы», бергсонизм и «Критику языка».

телей, которые не склонны слепо принимать на веру то, о чем здесь говорится, но стараются проверить сообщенное познаниями собственной души и опытами собственной жизни.² Он хотел бы прежде всего осторожных читателей, которые допускают лишь то, что может быть логически оправдано. Автор знает, что его книга не имела бы никакой цены, если бы она обращалась только к слепой вере; она пригодна, лишь поскольку она может оправдать себя перед непредвзятым рассудком. Слепая вера может так легко смешать нелепое и суеверное с истинным. Многие, охотно довольствующиеся простой верой в «сверхчувственное», найдут, что в этой книге от мышления требуется слишком многое. Но в данных здесь сообщениях дело идет действительно не о том только, чтобы что-нибудь сообщить, но о том, чтобы изложение было таким, какое надлежит для добросовестного воззрения в данной области жизни. Ведь это область, где в действительной жизни так легко соприкасаются высочайшие вещи с бессовестным шарлатанством и познание с суеверием, и где они прежде всего так легко могут быть смешаны.

Кто знаком с сверхчувственным исследованием, тот уже при чтении книги заметит, что была сделана попытка строго соблюсти границы между тем, что из области сверхчувственных познаний в настоящее время может и должно быть сообщено, и тем, что подлежит сообщению в позднейшее время или, по крайней мере, в иной форме.

Написано в декабре 1909 г. РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР.

² Здесь подразумевается не только духовно-научная проверка при помощи сверхчувственных методов исследования, но прежде всего вполне возможная проверка, исходящая из здорового, непредубежденного мышления и человеческого рассудка

ГЛАВА 1

ХАРАКТЕР ТАЙНОВЕДЕНИЯ

Слово «тайноведение» вызывает в настоящее время у различных людей совершенно противоположные ощущения. Как магическое обаяние действует оно на одного, как возведение чего-то, к чему влекут его самые внутренние силы его души. Для другого же оно имеет нечто отталкивающее и вызывает в нем презрение, насмешку или сострадательную улыбку. Высокой целью человеческого стремления, венцом всего прочего знания и постижения является тайноведение для многих; праздною мечтательностью, фантастикой, заслуживающей такого же отношения, как суеверие, признают его люди, с величайшей серьезностью и благородной любовью к правде отдающиеся тому, что им представляется истинной наукой. Для одного оно как свет, без которого жизнь для него не имела бы цены; для другого – как духовная опасность, способная сбить с толку незрелые головы и слабые души. Между этими резко противоположными друг другу мнениями существуют всевозможные промежуточные ступени.

В том, кто выработал в себе известную непредвзятость суждения по отношению к тайноведению, к его приверженцам и противникам, странные ощущения может вызвать зрелище того, как люди, которым во многих вещах несомненно присуще подлинное чувство свободы, становятся нетерпимыми, когда дело касается названного духовного направления. И такой непредвзятый человек едва ли откажется признать, что многих приверженцев тайноведения – или оккультизма – привлекает к последнему не что иное, как роковое тяготение к неизвестному, таинственному или даже неясному. В такой же мере признает он и то, что доводы против фантастического и мечтательного, приводимые более серьезными противниками названного учения, обладают большой вескостью. Более того, занимающийся тайноведением хорошо сделает, если не упустит из виду того факта, что стремление к «таинственному» приводит людей к погоне за бесплодными, враждебными жизни блуждающими огнями.

Но если тайновед и отнесется бдительно ко всей сбивчивости сторонников его воззрений и ко всей правомерности доводов противников, все же у него есть основание, чтобы в этой борьбе мнений не выступать непосредственно защитником своих стремлений. Эти основания откроются тому, кто глубже займется тайноведением. Говорить о них здесь было бы поэтому излишним. Предварительное изложение этих оснований, пока не будут пройдены сами врата этой науки, все равно не могло бы убедить того, кто, удерживаемый непреодолимым отвращением, не хочет пройти через эти врата. Но перед душой того, кто войдет в эту науку, эти основания вскоре выступят во всей своей ясности из самой сути дела. А отсюда можно вывести, что тайноведа эти основания ведут к известному образу поведения, являющемуся для него единственно правильным. Он избегает, поскольку лишь это возможно, всякой внешней защиты и внешней борьбы и предоставляет самому делу говорить за себя. Он просто излагает «тайноведение», приводя то, что оно имеет сказать о том или ином, он показывает, как его познания относятся к другим областям жизни и знания, какие возможны возражения и как действительность говорит за эти познания. Он знает, что не только вследствие ошибочного мнения мышления, но и по известной внутренней необходимости такие «защиты» должны перейти в область искусства переубеждать, и он не может желать ничего иного, как только предоставить тайноведению действовать одному и самому по себе.

В тайноведении дело прежде всего вовсе не в изложении утверждений или мнений, требующих доказательства, а в чисто повествовательном сообщении опытов, которые могут быть сделаны в ином мире, нежели тот, который видим для физического глаза и осязаем для

рук. Затем важно то, что этой наукой указываются также средства, с помощью которых человек может испытать истинность таких сообщений. А именно кто углубится в истинное тайноведение, тот вскоре убедится, что благодаря этой науке изменяется многое в представлениях и идеях, которые обычно – и вполне правильно – составляешь себе в жизни. Неизбежно приобретаешь совершенно новые мысли также и о том, что до тех пор называл «доказательством». Учишься понимать, что это слово в некоторых областях теряет свое обычное значение, и что для постижения существуют иные основания, нежели такие «доказательства».

Всякое тайноведение прорастает из двух мыслей, которые могут найти почву в каждом человеке. Для тайноведа эти две мысли выражают собою факты, которые можно пережить, если пользоваться для этого правильными средствами. Для многих уже сами эти мысли являются в высшей степени оспоримыми утверждениями, допускающими много возражений, или даже чем-то таким, невозможность чего можно «доказать».

Обе эти мысли заключаются в том, что за видимым миром существует невидимый, скрытый пока для внешних чувств и связанного с ними мышления, и что человеку через развитие дремлющих в нем способностей возможно проникнуть в этот скрытый мир.

Такого скрытого мира не существует, говорит один. Мир, который человек воспринимает посредством своих внешних чувств, есть единственный мир. Его загадки могут быть разрешены из него самого. Если человек в настоящее время и очень еще далек от того, чтобы быть в состоянии ответить на все вопросы бытия, то все же наступит время, когда чувственный опыт и опирающаяся на него наука смогут дать эти ответы.

Нельзя утверждать, что не существует скрытого мира за миром видимым, говорят другие, но человеческие познавательные силы не могут проникнуть в этот мир. У них есть границы, которых они не могут переступить. Пусть потребность «веры» ищет своего прибежища в таком мире: истинная наука, опирающаяся на достоверные факты, не может заниматься подобным миром.

Третья группа считает своего рода дерзостью желание человека проникнуть посредством познавательной работы в область, по отношению к которой нужно отказаться от «знания» и ограничиться «верой». Приверженцы этого мнения считают незаконным стремление слабого человека проникнуть в мир, который может принадлежать исключительно религиозной жизни. Приводится еще и то, что возможно общее для всех людей познание фактов чувственного мира; относительно же сверхчувственных явлений вопрос может идти исключительно о личном мнении каждого человека, и не следовало бы говорить об общезначимой достоверности по отношению к этим вещам. Другие утверждают еще многое иное.

Тайноведу ясно, что рассмотрение видимого мира ставит человеку загадки, которые никогда не могут быть разрешены из фактов самого этого мира. Они даже и тогда не будут разрешены этим путем, когда наука об этих вещах подвинется вперед как бы то ни было далеко. Ибо видимые явления видимого мира своей собственной внутренней сущностью ясно указывают на существование скрытого мира. Кто этого не признает, тот замыкается перед загадками, которые всюду ясно выступают в фактах чувственного мира. Он не желает вовсе видеть известных вопросов и загадок: поэтому он полагает, что все вопросы могут быть разрешены из чувственных фактов. Те вопросы, которые он хочет ставить, действительно все могут быть разрешены из фактов, относительно которых он надеется, что они с течением времени будут открыты. С этим согласится и каждый истинный тайновед. Но зачем же ждать ответов в известных областях тому, кто вовсе не ставит никаких вопросов? Тайновед говорит только, что для него такие вопросы вполне естественны и что их следует признать законным проявлением человеческой души. Не может же наука быть втиснута в рамки тем, что человеку запретят свободно ставить вопросы.

К мнению, что познание человека имеет границы, которых он не может переступить, и которые вынуждают его становиться перед невидимым миром, тайновед относится так: он

говорит: не может быть вовсе никакого сомнения, что при помощи того рода познания, который здесь разумеется, нельзя проникнуть в невидимый мир. Кто считает этот род познания единственно возможным, тот не может прийти к иному мнению, так что человеку не дано проникнуть в высший мир, который, может быть, и существует. Но далее тайновед поясняет: можно развить новый род познания, и он ведет в невидимый мир. Если считать такой род познания невозможным, то приходишь к точке зрения, с которой всякая речь о невидимом мире представляется сущей бессмыслицей. Но для непредвзятого суждения ясно, что для такого мнения не может быть иного основания, как только то, что приверженцу этого мнения неизвестен этот род познания. Но как можно вообще судить о том, о чем утверждаешь, что оно тебе неизвестно? Тайноведение должно признать себя сторонником правила: говорить лишь о том, что знаешь, и ничего не утверждать о том, чего не знаешь. Оно может говорить только о праве человека сообщать то, что он узнал, но не о праве считать невозможным то, чего он не знает или не желает знать. Тайновед ни за кем не может оспаривать права не интересоваться невидимым, но никогда не может оказаться настоящего основания, по которому кто-нибудь мог бы считать себя компетентным не только в том, что он может знать, но также и во всем том, чего «человек» не может знать.

Тем, которые объявляют дерзостью проникновение в область невидимого, тайновед ставит только на вид, что такое проникновение возможно и что это грех против данных человеку способностей, если он дает им заглухнуть, вместо того чтобы развивать их и пользоваться ими.

Кто же думает, что воззрения на невидимый мир должны всецело относиться к личному мнению и чувству, тот отрицает то, что является общим во всех человеческих существах. Пусть будет даже правильным, что уразумение этих вещей каждый должен найти в самом себе, однако этот факт, что все те люди, которые лишь достаточно углубляются в эту область, приходят не к различному, но к одинаковому разуменению этих вещей. Разногласие существует лишь до тех пор, пока люди хотят приблизиться к высшим истинам, испытанным не путем тайноведения, а любыми иными путями. И истинное тайноведение, конечно, опять-таки соглашается без дальних слов, что только тот может признать правильность пути, кто уже шел этим путем или по крайней мере находится на нем. А все-таки люди признают эту правильность и всегда признавали ее.

Путь к тайноведению найдет в надлежащий момент каждый человек, который из видимого познает существование скрытого или даже только предполагает или смутно чувствует его и который путем сознания, что познавательные силы способны к развитию, приходит к чувству, что скрытое может ему раскрыться. Человеку, которого эти душевные переживания приводят к тайноведению, последнее дает не только надежду, что он найдет ответ на известные вопросы, поставленные его стремлением к познанию, но еще и иную надежду, что он победит все, что задерживает и ослабляет жизнь. А в известном высшем смысле это означает ослабление жизни, даже душевную смерть, когда человек оказывается вынужденным отвернуться от невидимого или отрицать его. При известных условиях это приводит даже к отчаянию, когда человек теряет надежду, что скрытое может ему раскрыться. Эта смерть и это отчаяние в их многообразных формах являются в то же время внутренними душевными врагами тайноведения. Они наступают, когда иссякает внутренняя сила человека. Тогда вся сила жизни должна притекать извне, если ему вообще суждено обладать ею. Он воспринимает тогда вещи, существа и события, которые доходят до его внешних чувств; он расчленяет их своим рассудком. Они доставляют ему радость и горе; они побуждают его к поступкам, на которые он способен. Так может он продолжать некоторое время, но все же когда-нибудь дойдет до такой точки, когда он внутренне умрет. Ибо то, что человек может таким образом впитывать в себя из мира, истощается. Это не утверждение, исходящее из личного опыта отдельного человека, а нечто, вытекающее из непредвзятого рассмотрения всей челове-

ской жизни. От этого истощения предохраняет то скрытое, что покоится в глубине вещей. Когда в человеке отмирает сила опускаться в эти глубины, чтобы почерпнуть из них все новую жизненную силу, то под конец и внешнее вещей оказывается уже не в состоянии поддерживать жизнь.

Дело обстоит отнюдь не так, что оно касается только отдельного человека, только его личного блага и горя. Именно в тайноведении для человека становится достоверностью, что с высшей точки зрения благо и горе отдельного человека тесно связаны со спасением и гибелью всего мира. Есть путь, на котором человек приходит к уразумению, что он причиняет зло всему миру и всем существам в нем, если он не дает надлежащим образом раскрыться своим силам. Если человек опустошает свою жизнь тем, что теряет связь с невидимым, то он не только разрушает в своем внутреннем нечто, умирание чего может под конец привести его к отчаянию, но создает своей слабостью препятствие развитию всего мира, в котором он живет.

Но человек может обманываться. Он может отдаться вере, что скрытого не существует, что в доходящем до его внешних чувств и рассудка уже содержится все, что вообще только может существовать. Но заблуждение возможно только для поверхности сознания, а не для его глубины. Чувство и желание не подчиняются этой обманчивой вере. Они всегда каким-нибудь образом будут жаждать скрытого. И когда оно бывает у них отнято, они ввергают человека в сомнение, в жизненную неуверенность и даже в отчаяние. Тайноведение, делающее скрытое явным, способно преодолеть всякую безнадежность, всякую жизненную неуверенность, всякое отчаяние, словом, все то, что ослабляет жизнь и делает ее не способной к должному служению в мироздании.

Это и является прекрасным плодом тайноведения, что оно придает жизни силу и крепость, а не одно лишь удовлетворение жажды знания. Источник, откуда тайновед черпает силу для работы и уверенность для жизни, неиссякаем. Никто, однажды действительно подошедший к этому источнику, не уйдет от него неподкрепленным при вторичном прикосновении к нему.

Есть люди, которые на том основании ничего не хотят знать о тайноведении, что они в только что сказанном видят уже нечто нездоровое. По отношению к поверхности жизни и к ее внешней стороне такие люди вполне правы. Они не хотят дать заглотнуть тому, что предлагает жизнь в так называемой действительности. Они видят слабость в том, что человек отвращается от действительности и ищет своего спасения в скрытом мире, который для них ведь равен фантастическому, вымышленному. Если в качестве тайноведа не хочешь впасть в болезненную мечтательность и слабость, то надо признать частичную правомерность таких возражений. Ибо они зиждутся на здравом суждении, которое только потому ведет не к целой, а к половинной истине, что оно не проникает в глубины вещей, а останавливается на их поверхности. Если бы тайноведению было свойственно ослаблять жизнь и удалять человека от истинной действительности, то такие возражения были бы, конечно, достаточно сильны, чтобы лишить почвы это духовное направление. Но и по отношению к таким мнениям тайноведение вступило бы на неправильный путь, если бы захотело защищать себя в обыкновенном смысле этого слова. И здесь за него может говорить только то, что оно дает тому, кто углубляется в него: истинную жизненную силу и жизненную крепость. Оно не ослабляет жизни, а укрепляет ее, ибо оно снабжает человека силами не только видимого, но также и скрытого мира, действием которого является мир видимый. Оно означает, таким образом, не оскудение, а обогащение жизни. Истинный тайновед становится не чуждым миру человеком, а другом действительности; ибо он не стремится в мечтательном уединении от мира наслаждаться невидимым, но его наслаждение состоит в том, чтобы доставлять миру все новые силы из невидимых источников, из которых берет начало сам этот мир, и из которых он постоянно должен оплодотворяться.

Много препятствий встает на пути перед некоторыми людьми, когда они подходят к тайноведению. Одно из них выражается в том, что человек, пытающийся сделать первые шаги в этом направлении, пугается того, что он сначала вводится в подробности сверхчувственного мира, которые ему предстоит изучать со всяким терпением и усердием. Ему дается целый ряд сообщений о скрытом существе человека, о совершенно определенных событиях в том царстве, вратами в которое служит смерть, о развитии человека, земли, всей солнечной системы. Он ожидал, что одним прыжком легко попадет в сверхчувственный мир. Тогда он говорит: все, что мне дается здесь, служит пищей для моего духа, но оставляет мою душу холодной. Я стремлюсь углубить мою душу, я хочу найти себя в себе самом. Что возносит душу в сферу Божественного, что приводит ее на ее родину – вот, чего я ищу, а не сообщений о существе человека и о мировых событиях. Люди, которые так говорят, даже и не подозревают, что именно такими ощущениями они наглухо закрывают вход к тому, чего ищут. Ибо именно когда они со свободным, открытым чувством, с усердием и терпением познают то, что они называют «только» пищей для духа, тогда, и только тогда, найдут они для своей души то, чего они жаждут. Тот путь ведет к соединению души с Божественным, который дарует ей познание творений этого Божественного. Возвышение сердца есть следствие ознакомления с творениями духа.

Поэтому тайноведение должно начать с сообщений, которые указывают на области духовного мира. И эта книга также начнет с описания того, что из невидимых миров может быть раскрыто посредством духовного исследования. Здесь будет сказано о том, что смертно и что бессмертно в человеке в его связи с миром, которого он член.

Затем последует изложение средств, при помощи которых человек может развить дремлющие в нем познавательные силы, которые вводят его самого в этот мир. Об этих средствах будет сказано в той мере, как это возможно сделать в настоящее время в подобной книге. Можно было бы подумать, что раньше всего следовало бы сказать об этих средствах. Ибо, казалось бы, прежде всего важно познакомить человека с тем, что может привести его с помощью его собственной силы к желанному созерцанию высшего мира. Многие могут сказать: какая мне польза, когда другие сообщают мне то, что они знают о высших мирах; я хочу сам заглянуть в них. Но дело обстоит так, что для действительно плодотворного переживания тайн скрытого мира безусловно необходимо предварительное знакомство с некоторыми фактами из этого мира. Почему это так – станет достаточно ясно из последующего изложения. Но ошибочно думать, будто истины тайноведения, сообщаемые знающими людьми, прежде всякого указания средств для проникновения в духовный мир, могут быть приняты и постигнуты только при помощи высшего зрения, вытекающего из развития дремлющих в человеке сил. Это не так. Для нахождения и исследования тайн сверхчувственного мира необходимо высшее зрение. Никто не может без ясновидения, равнозначного такому высшему зрению, найти факты этого невидимого мира. Но когда об них сообщают повествовательно, как о найденных фактах, то всякий, кто только применит к ним во всем объеме обыкновенный рассудок и непредвзятое суждение, может уразуметь их и поднять для себя до высокой степени убедительности. Если кто утверждает, что эти тайны для него непонятны, то это никогда не происходит от того, что он еще не обладает ясновидением, а от того, что ему еще не удалось привести в действие познавательные силы, которые могут быть у всякого и без ясновидения.

Новый способ излагать эти вещи состоит в том, чтобы по исследовании их путем ясновидения представить их так, чтобы они были вполне доступны суждению. Но если только не замкнуться в предрассудках, то нет препятствий к тому, чтобы составить себе суждение и без высшего зрения. Правда, многие найдут, что этот новый способ изложения, как он дан в этой книге, совершенно не соответствует их привычным формам суждения. Однако

такое возражение вскоре исчезнет у того, кто постарается довести эти привычные формы действительно до их последних выводов.

Когда человек, таким образом, путем расширенного применения повседневной способности представления, воспринял и нашел понятными известное число высших тайн, тогда для него наступает настоящий момент применить к своей собственной личности средства тайноведческого исследования, дающие ему возможность найти путь в невидимый мир.

По духу и истинному смыслу ни один настоящий ученый не сможет найти противоречий между своей, построенной на фактах чувственного мира наукой, и тем, как производит свои исследования тайноведение. Ученый пользуется известными орудиями и методами. Орудия он добывает себе переработкой того, что дает ему «природа». Тайноведение также пользуется орудием. Только это орудие есть сам человек. И это орудие должно быть также сперва приготовлено для высшего исследования. Способности и силы, данные человеку «природой», сначала без его содействия, должны быть превращены в нем в высшие. Через это человек может сделать себя сам орудием для исследования невидимого мира.

ГЛАВА 2

СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

При рассмотрении человека в духе тайноведения тотчас же вступает в силу все, что относится к этой науке вообще. Она основана на признании сокрытого за тем, что открыто внешним чувствам и примененному к их восприятиям рассудку. Этим внешним чувствам и этому рассудку доступна только часть того, что раскрывается тайноведением как совокупное существо человека. Эта часть есть физическое тело. Чтобы осветить понятие о физическом теле, тайноведение направляет прежде всего внимание на одно явление, простирающееся как великая загадка над всеми наблюдениями жизни: на смерть и в связи в ней на так называемую безжизненную природу, на царство минерального. Этим указывается на факты, разъяснение которых относится к задачам тайноведения и которым должна быть посвящена значительная часть этой книги. Здесь же должны быть намечены пока для ориентировки только некоторые представления.

В области видимого физическое тело для тайноведения есть то, в чем человек тождествен минеральному миру. То же, что отличает человека от минерала, оно физическим телом не считает. Для тайноведения важен прежде всего факт, что смерть отделяет ту часть человеческого существа, которая при жизни является однородной с минеральным миром. Оно указывает на труп как на то в человеке, что подобным же образом находится и в царстве минерального. Оно резко подчеркивает тот факт, что в этом члене человеческого существа, который оно рассматривает как физическое тело и который смертью превращается в труп, действуют те же вещества и силы, что и в минеральной области; но оно не менее резко подчеркивает, что со смертью для этого физического тела наступает распадение. Поэтому оно говорит: конечно, в физическом теле человека действуют те же вещества и силы, как и в минерале, но их деятельность во время жизни подчинена более высокому служению. Они бывают предоставлены самим себе лишь с наступлением смерти. Тогда они проявляются, как и должны проявляться, сообразно своей собственной сущности, а именно как деятели разложения физического тела.

Итак, в человеке следует резко отделять видимое от сокрытого. Ибо во время жизни сокрытое принуждено вести постоянную борьбу против веществ и сил минерального. Этим указывается на ту точку, с которой тайноведение начинает свое рассмотрение. Его задача состоит в определении того, что ведет означенную борьбу. А это именно и скрыто от наблюдения внешних чувств. Оно доступно только ясновидящему наблюдению. Как достигает человек того, чтобы это «сокрытое» стало для него столь же видимым, как чувственные явления для обыкновенного зрения, об этом будет речь в одной из дальнейших глав этой книги. Здесь же, по указанной уже раньше причине, будет описано то, что открывается ясновидящему наблюдению. Только тогда сообщения о пути, которым достигается высшее зрение, могут иметь ценность для человека, когда он сначала из простой передачи ознакомится с тем, что раскрывает ясновидящее исследование. Ибо понимать в этой области можно и то, что сам еще не наблюдаешь. Путь, исходящий из понимания, и есть именно хороший путь, ведущий к зрению.

Если даже то сокрытое, что в физическом теле ведет борьбу против распада, доступно наблюдению только при помощи высшего зрения, — то в своих действиях оно явственно и для способности суждения ограничивающейся видимым. И эти действия выражаются в том образе или в той форме, в которую бывают сплочены во время жизни минеральные вещества и силы физического тела. Эта форма мало-помалу исчезает, и по наступлении смерти физическое тело становится частью остального минерального мира. Но ясновидя-

щий может наблюдать как самостоятельный член человеческого существа то, что во время жизни препятствует физическим веществам и силам идти своими путями, ведущими к разложению физического тела. Он называет этот самостоятельный член «эфирным телом» или «жизненным телом». Для того, чтобы сейчас же, в самом начале, не вкратились недоразумения, необходимо относительно этих обозначений второго члена человеческого существа принять во внимание двоякое. Слово «эфир» употребляется здесь в ином смысле, нежели в современной физике. Последняя пользуется, например, словом эфир для обозначения носителя света. В тайноведении же значение этого слова должно быть ограничено в указанном выше смысле. Оно должно быть применено к тому, что доступно высшему зрению и что дает знать о себе чувственному наблюдению только в своих действиях, а именно тем, что оно может давать определенную форму или образ находящимся в физическом теле минеральным веществам и силам. И слово «тело» также не должно быть понято превратно. Для обозначения высших явлений бытия приходится все же пользоваться словами обыкновенного языка. А они выражают для чувственного наблюдения только чувственное. В чувственном смысле «эфирное тело» отнюдь не является, конечно, чем-то телесным, каким бы тонким ни представлять себе это телесное.

Когда тайновед доходит до упоминания об этом «эфирном» или «жизненном теле», он касается уже той точки, где ему приходится встречать противоречие со стороны многих современных взглядов. Развитие человеческого духа привело к тому, что в наше время упоминание о таком члене человеческого существа рассматривается как что-то ненаучное. Материалистический образ представления пришел к тому, что не видит в живом теле ничего иного, кроме сочетания физических веществ и сил, какое встречается и в так называемом безжизненном теле, в минерале. Но только в живом это сочетание сложнее, чем в безжизненном. Не так давно и в обыкновенной науке придерживались еще других взглядов. Кто проследит труды некоторых серьезных ученых первой половины девятнадцатого столетия, тому станет ясно, что и «настоящие естествоиспытатели» сознавали тогда, что в живом теле содержится еще нечто иное, чем в безжизненном минерале. Говорили о «жизненной силе». Хотя под этой «жизненной силой» представляли себе не то, что было обозначено выше, как «жизненное тело», но в основе означенного представления все же лежит смутное чувство, что существует нечто подобное. Эту «жизненную силу» представляли себе приблизительно так, как если бы она в живом теле присоединялась к физическим веществам и силам вроде того, как магнитная сила к чистому железу в магните. Затем наступило время, когда эта «жизненная сила» была удалена из области науки. Хотели обойтись во всем одними только физическими и химическими причинами. В настоящее время у некоторых естественнаучных мыслителей опять наступил в этом отношении поворот к прежнему. Иные соглашались, что признание чего-то похожего на «жизненную силу» все же не полная бессмыслица. Но даже и тот «ученый», который снисходит до этого, не захочет быть заодно с тайноведом относительно, «жизненного тела». Отстаивать точку зрения тайноведения в споре с такими взглядами обычно ни к чему. Делом тайноведа было бы скорее признать, что материалистический образ представления является необходимым сопутствующим явлением великого успеха естествознания в наше время. Этот успех основан на громадном утончении средств чувственного наблюдения. И это уже лежит в самом существе человека, что он в своем развитии доводит отдельные способности до известной степени совершенства за счет других. Точное чувственное наблюдение, развивающееся в такой значительной мере благодаря естествознанию, должно было отодвинуть на задний план разработку тех человеческих способностей, которые ведут в «сокрытые миры». Но теперь опять наступила пора, когда эта разработка стала необходимой. И к признанию сокрытого приводит не борьба с суждениями, вытекающими с логической последовательностью из отрицания этого сокрытого, а правильное освещение самого этого сокрытого. Тогда признают его те, для кого «настало время».

Это необходимо было сказать здесь только ради того, чтобы не предполагали незнания тайноведения с точками зрения естественных наук, когда оно говорит об «эфирном теле», которое в некоторых кругах должно ведь считаться чем-то совершенно фантастическим.

Итак, это эфирное тело есть второй член человеческого существа. Для ясновидящего ему присуща более высокая степень действительности, чем физическому телу. Описание того, каким его видит ясновидящий, может быть дано только в следующих главах этой книги, когда выяснится, в каком смысле надо принимать такие описания. Пока достаточно сказать, что эфирное тело всюду проникает физическое тело и что на него нужно смотреть как на своего рода строителя физического тела. Все органы поддерживаются в их форме и образе течениями и движениями эфирного тела. В основе физического сердца лежит «эфирное сердце», в основе физического мозга – «эфирный мозг», и т. д. Эфирное тело расчленено в самом себе подобно физическому, но только сложнее, и в нем все находится в живом взаимном проникновении там, где в физическом теле имеются обособленные части.

Это эфирное тело человек имеет общим с растительным миром так же, как с миром минеральным он имеет общее тело физическое. Все живое имеет свое эфирное тело.

От эфирного тела тайноведческое рассмотрение восходит к следующему члену человеческого существа. Чтобы составить представление об этом члене, оно указывает на явление сна, как при теле эфирном оно указывало на смерть. Все человеческое творчество, поскольку дело идет о видимом, основано на деятельности в бодрственном состоянии. Но эта деятельность возможна только, когда человек все снова и снова черпает из сна подкрепление для своих истощенных сил. Деятельность и мышление прекращаются во время сна, всякое горе, всякая радость исчезает для сознательной жизни. Как из скрытых, таинственных источников при пробуждении человека поднимаются сознательные силы из бессознательности сна. Это то же самое сознание, которое при засыпании погружается в темные глубины и снова восходит при пробуждении. То, что все снова пробуждает жизнь из состояния бессознательности, и есть в смысле тайноведения третий член человеческого существа. Его называют астральным телом. Как физическое тело не может сохранить своей формы при помощи находящихся в нем минеральных веществ и сил, но должно быть пронизано для этого сохранения эфирным телом, так и силы эфирного тела не могут сами озарить себя светом сознания. Эфирное тело, предоставленное самому себе, должно было бы постоянно находиться в состоянии сна. Можно также сказать: оно могло бы поддерживать в физическом теле только растительное бытие. Бодрствующее эфирное тело просветлено телом астральным. Для чувственного наблюдения действие этого астрального тела исчезает, когда человек погружается в сон. Для ясновидящего наблюдения астральное тело еще продолжает существовать, но только является отделенным от эфирного тела или извлеченным из него. Чувственное наблюдение имеет дело не с самим астральным телом, а только с его действиями в видимом. А таковых во время сна непосредственно не существует. В том же смысле, в каком человек имеет свое физическое тело общим с минералами, а свое эфирное тело – общим с растениями, так относительно своего астрального тела он однороден с животными. Растения находятся в постоянном состоянии сна. Кто неточно судит об этих вещах, легко может впасть в ошибку, приписав и растениям род сознания, какое имеют в бодрственном состоянии животные и люди. Но это может произойти только, если составить себе неточное представление о сознании. Тогда говорят, что растение, подвергнутое внешнему раздражению, совершает известные движения, как и животное. Говорят о чувствительности некоторых растений, которые, например, свертывают свои листья, когда на них воздействуют какие-нибудь внешние предметы. Но не то является характерным для сознания, что существо отвечает на действие известным противодействием, а что оно переживает внутри себя нечто, присоединяющееся к простому противодействию, как что-то новое. Иначе можно было бы также говорить о сознании, когда

кусоч железа расширяется под влиянием тепла. Сознание имеется лишь тогда, когда существо под действием тепла переживает, например, внутренне боль.

Четвертый член своего существа, приписываемый ему тайноведением, человек не имеет уже более общим с окружающим его миром видимого. Это то, что отличает его по отношению к другим существам, то, благодаря чему он является венцом ближайшим образом связанного с ним творения. Тайноведение составляет представление об этом четвертом члене человеческого существа, указывая на то, что и между бодрственными переживаниями есть существенное различие. Это различие выступает тотчас, когда человек направляет свое внимание на то обстоятельство, что в бодрственном состоянии он постоянно находится с одной стороны, среди переживаний, которые должны появляться и исчезать, а с другой стороны, у него есть переживания, при которых это не имеет места. Это выступит особенно резко, если сравнить переживания человека с переживаниями животного. Животное переживает с большой равномерностью влияния внешнего мира и под влиянием тепла и холода сознает страдание и радость, а при известных равномерно протекающих процессах своего тела – голод и жажду. Жизнь человека такими переживаниями не исчерпывается. Он может развить в себе страсти и желания, выходящие за пределы всего этого. У животного всегда можно было бы установить, – если бы только можно было достаточно проследить это, – где вне тела или в теле находится побуждение к поступку, к ощущению. У человека это отнюдь не так. Он может порождать желания и страсти, для возникновения которых нет достаточного повода ни внутри, ни вне его тела. Все, что входит в эту область, надо отнести к особому источнику. И этот источник, в смысле тайноведения, надо видеть в «Я» человека. Поэтому Я рассматривается, как четвертый член человеческого существа. Если бы астральное тело было предоставлено самому себе, в нем протекали бы радость и боль, чувства голода и жажды; но что не возникало бы тогда, так это ощущение, что во всем этом есть нечто пребывающее. Не пребывающее как таковое обозначается здесь как Я, но то, чем переживается это пребывающее. В этой области, чтобы не возникло недоразумений, следует брать понятия в их совершенно точном значении. С восприятием чего-то длящегося, пребывающего в смене внутренних переживаний начинается пробуждение «чувства Я». Не то, что существо ощущает, например, голод, может сообщить ему чувство Я. Голод появляется, когда в данном существе снова сказываются обуславливающие его причины. Оно потому именно и набрасывается тогда на свою пищу, что имеются эти возобновившиеся причины. Чувство Я наступает не тогда, когда эти возобновившиеся причины влекут к пище, но только если при предыдущем насыщении возникло удовольствие и осталось сознание этого удовольствия, так что к пище влечет не только настоящее переживание голода, но и прошедшее переживание удовольствия. Как физическое тело распадается, если его не сдерживает тело эфирное, как эфирное тело погружается в бессознательность, если его не просветляет тело астральное, так астральное тело должно все снова и снова предавать прошлое забвению, если Я не спасает этого прошлого, перенося его в настоящее. Что для физического тела смерть, для эфирного тела – сон, то для астрального тела забвение. Можно также сказать: эфирному телу присуща жизнь, астральному телу – сознание, а Я присуще воспоминание.

Еще легче, чем впасть в ошибку, приписывая растению сознание, можно впасть в иную ошибку – признавая у животного воспоминание. Ведь так легко принять за воспоминание, когда собака узнает своего хозяина, которого она, может быть, довольно давно не видала. Но в действительности такое узнавание основано вовсе не на воспоминании, а на чем-то совершенно ином. Собака ощущает известное притяжение к своему хозяину. Оно исходит из существа этого последнего. Это существо доставляет собаке удовольствие, когда ее хозяин находится вблизи нее, и присутствие хозяина каждый раз является поводом к возобновлению удовольствия. О воспоминании же можно говорить только тогда, когда какое-нибудь существо не только ощущает что-либо, переживая в настоящем, но и сохраняет переживания про-

шлого. Но даже и соглашаясь с этим, можно было бы все-таки впасть в ошибку, приписывая собаке воспоминание. А именно можно было бы сказать: она тоскует, когда хозяин покидает ее, следовательно, у нее остается воспоминание о нем. Но и такое суждение неправильно. Благодаря совместной жизни с хозяином, его присутствие становится для собаки потребностью, а потому отсутствие его она ощущает подобным образом, как она ощущает голод. Кто не делает таких различий, никогда не уяснит себе истинных жизненных отношений.

Для Я воспоминание и забвение означают нечто совершенно подобное тому, как для астрального тела – бодрствование и сон. Как благодаря сну исчезают в небытие дневные заботы и печали, так забвение простирает покров на тяжелые испытания жизни и гасит этим часть прошлого. И как сон необходим, чтобы заново укрепились истощенные жизненные силы, так человек должен изгладить из воспоминания известные части своего прошлого, чтобы мочь свободно и непосредственно встретить новые переживания. Но именно из этого забвения вырастают для него силы для восприятия нового. Подумайте о таком явлении, как изучение письма. Все частности, которые приходится пережить ребенку, чтобы научиться писать, забываются. Остается только способность писать. Как мог бы человек писать, если бы каждый раз, когда он брался за перо, в его душе вставали как воспоминание все переживания, через которые он должен был пройти при изучении письма.

Но воспоминание выступает в различных степенях. Уже это является простейшей формой воспоминания, когда человек воспринимает предмет и затем, отвернувшись от него, сохраняет о нем представление. Это представление человек составил себе в то время, как он воспринимал предмет. Здесь произошел некий процесс между его астральным телом и его Я. Астральное тело сделало внешнее впечатление от предмета сознательным. Но такое знание о предмете продолжалось бы лишь до тех пор, пока этот предмет был бы налицо, если бы Я не приняло в себя этого знания и не сделало его своим достоянием. Здесь тайноведение разделяет телесное от душевного. Когда имеют в виду возникновение знания о находящемся перед нами предмете, говорят об астральном теле. А то, что дает знанию длительность, обозначают как душу. Но в то же время из сказанного видно, как тесно связано в человеке астральное тело с той частью души, которая сообщает знанию длительность. Оба они до некоторой степени соединены в один член человеческого существа. Поэтому часто также обозначают это соединение как астральное тело. Если хотят обозначить точно, то говорят также об астральном теле человека, как о теле душевном, а о душе, поскольку она соединена с ним, как о «душе ощущающей».

Я поднимается на более высокую ступень своего существа, когда оно направляет свою деятельность на то знание от предмета, которое оно сделало своим достоянием. Это та деятельность, через которую Я все более освобождается от предметов восприятия, чтобы работать в своей собственной области. Ту часть души, которой присуща эта деятельность, можно обозначить как «душу рассудочную» или «душу чувствующую». Как душе ощущающей, так и душе рассудочной свойственно работать над тем, что она получает через впечатления от воспринятых внешними чувствами предметов и что они от них сохраняют в воспоминании. Здесь душа всецело отдается тому, что является для нее внешним. Но ведь извне получила она также и то, что делает она своим собственным достоянием при помощи воспоминания. Однако она может выйти за пределы всего этого. Она не только душа ощущающая и рассудочная. Тайноведение может легче всего дать представление об этом выходе, указав на один простой факт, который надо только оценить во всем его объеме и значении. Это тот факт, что во всем языке есть только одно-единственное имя, которое по своей сущности отличается от всех других имен. Это есть имя «Я». Всякое иное имя каждый человек может приложить к той вещи или к тому существу, которым оно присуще. Я, как обозначение для существа, только тогда имеет смысл, когда это существо само применяет его к себе. Имя Я никогда не может извне достигнуть слуха человека как его обозначение; только само суще-

ство может применить его к себе. «Я есмь Я только для меня, для всякого другого Я есмь Ты; и всякий другой для меня есмь Ты». Этот факт есть внешнее выражение глубоко значительной истины. Подлинная сущность Я независима от всего внешнего; поэтому ничто внешнее не может назвать ее этим именем. Те религиозные верования, которые сознательно сохранили свою связь с тайноведением, называют поэтому обозначение Я «неизреченным именем Божиим». Ибо, употребляя это выражение, указывают именно на то, что было отмечено выше. Ничто внешнее не имеет доступа к той части человеческой души, которая имеется здесь в виду. Здесь «сокровенная святыня» души. Только существо, с которым душа однородна, может проникнуть сюда. «Бог, обитающий в человеке, говорит, когда душа познает себя как Я». Как душа ощущающая и душа рассудочная живут во внешнем мире, так третий член души погружается в Божественное, когда душа достигает восприятия своей собственной сущности.

В связи с этим легко может возникнуть недоразумение, будто тайноведение признает Я за единое с Богом. Но тайноведение вовсе не говорит, что Я есть Бог, но только, что оно одинакового рода и существа с Божественным. Разве кто-нибудь утверждает, что капля воды, взятая из моря, есть само море, когда он говорит, что капля – той же сущности и того же состава, как и море? Если непременно прибегать к сравнению, то можно сказать: как капля относится к морю, так Я относится к Божественному. Человек может найти в себе Божественное, ибо самая изначальная сущность его взята из Божественного. Таким образом, через этот третий член своей души человек приобретает внутреннее знание о самом себе, как через астральное тело он получает знание о внешнем мире. Поэтому тайноведение этот третий член души может назвать также душой сознательной. И в смысле этой науки душевное состоит из трех членов: души ощущающей, души рассудочной и души сознательной, подобно тому как телесное состоит из трех членов: физического тела, эфирного тела и астрального тела.

Лишь в душе сознательной раскрывается действительная природа Я. Ибо, между тем как в ощущении и в рассудке душа теряется в другом, как душа сознательная она охватывает свою собственную сущность. Поэтому и Я может быть воспринято душой сознательной не иначе, как через известную внутреннюю деятельность. Представления о внешних предметах слагаются сообразно тому, как эти предметы являются и исчезают; и эти представления продолжают работать в рассудке своею собственной силой. Но для того, чтобы Я восприняло само себя, оно не может только отдаваться; оно должно сначала внутренней деятельностью вызвать свое существо из собственных глубин, чтобы получить сознание его. С восприятием Я – с обращением мысли на себя – начинается внутренняя деятельность этого Я. Благодаря этой деятельности восприятие Я в душе сознательной имеет для человека совершенно иное значение, чем наблюдение всего того, что доходит до него через три телесных члена и через два других члена души. Сила, выявляющая Я в душе сознательной, это та же сила, которая сказывается и во всем прочем мире. Но только в теле и в низших членах души она выступает не непосредственно, а раскрывается в своих действиях постепенно. Ее низшее проявление есть проявление через физическое тело; затем она постепенно поднимается до того, что наполняет душу рассудочную. Можно было бы сказать, что с восхождением на каждую следующую ступень спадает один из покровов, которыми окутано это сокрытое. В том, что наполняет душу сознательную, сокрытое вступает без покрова в самый внутренний храм души. Однако оно является здесь именно только, как капля, из моря всепроникающей первосущности. Но человек должен здесь впервые охватить эту первосущность. Он должен познать ее в самом себе, тогда он может найти ее также и в ее проявлениях.

То, что проникает здесь, как капля, в душу сознательную тайноведение называет духом. Так связана душа сознательная с духом, который есть сокрытое во всем явном. Если человек хочет охватить дух во всем явном, он должен сделать это таким же образом, как

он охватывает Я в душе сознательной. Он должен распространить на видимый мир ту деятельность, которая привела его к восприятию этого Я. Но через это он развивается до более высоких ступеней своего существа. Он прибавляет к своим телесным и душевным членам нечто новое. Ближайшим делом является овладение еще и тем, что сокрыто в низших членах его души. И это происходит благодаря исходящей из Я работе человека над своей душой. Как совершает он эту работу, станет наглядным, если сравнить человека, еще всецело преданного низшим страстям и так называемым чувственным наслаждениям, с благородным идеалистом. Первый превращается в идеалиста, когда отказывается от известных низменных склонностей и обращается к высоким. Через это он подействовал из своего Я облагораживающим, одухотворяющим образом на свою душу. Я стало господином внутри душевной жизни. И это может достигнуть такой степени, что в душе не будет возникать ни одной страсти, ни одного наслаждения без того, чтобы Я не было той властью, которая открывает им доступ. Таким образом, вся душа становится тогда откровением Я, как прежде была им только душа сознательная. В сущности, вся культурная жизнь и все духовное стремление людей состоит в работе, имеющей своей целью это господство Я. Каждый человек, живущий в наше время, занят этой работой, хочет ли он того или нет, сознает ли он этот факт или нет.

Но эта работа ведет к более высоким ступеням человеческого существа. Благодаря ей человек развивает новые члены своего существа. Они покоятся, как сокрытое, за видимым для него. Но через эту исходящую из Я работу над своей душой человек может не только сделаться господином над душой, так что она начинает выявлять из видимого сокрытое, но он может также расширить эту работу. Он может распространить ее на астральное тело. Через это Я овладевает астральным телом, соединяясь с его сокрытой сущностью. Это астральное тело, завоеванное Я и преображенное им, может быть в тайноведении названо Само-духом (Это то же самое, что в восточной мудрости называют «Манас»). В Само-духе мы имеем перед собой более высокий член человеческого существа, который находится в нем как бы в зачаточном состоянии и все более выявляется по мере работы человека над самим собой.

Как человек овладевает своим астральным телом, проникая к скрытым за ним силам, так происходит это в течение развития и по отношению к эфирному телу. Но работа над эфирным телом более интенсивна, нежели над телом астральным; ибо то, что скрывается в эфирном теле, облечено в два покрова, а сокровенное астрального тела – только в один. Тайноведение может составить понятие о различии в работе над этими обоими телами, указав на некоторые изменения, могущие произойти в человеке во время его развития. Подумаем сначала, как развиваются некоторые душевные свойства человека, когда Я работает над душой. Как могут измениться наслаждения и желания, радость и горе. Человеку достаточно только мысленно перенестись к поре своего детства. Что радовало его тогда, что причиняло ему горе? Чему научился он в придачу к тому, что он умел в детстве? Но все это служит только выражением того, как Я достигло господства над астральным телом. Ибо последнее является носителем наслаждения и страдания, радости и горя. И сравним с этим, как мало с течением времени меняются некоторые свойства человека, например, его темперамент, более глубокие особенности его характера и т. д. Человек, который ребенком был вспыльчив, развиваясь, нередко сохраняет и в последующей своей жизни некоторые стороны своей вспыльчивости. Это так бросается в глаза, что существуют мыслители, которые совершенно отрицают возможность изменения основного характера человека. Они полагают, что характер, остается на всю жизнь чем-то пребывающим и лишь проявляется то с той, то с другой стороны. Но такое суждение покоится только на недостатке наблюдательности. Кто способен видеть такие вещи, для того ясно, что и характер и темперамент человека также меняются под влиянием его Я. Конечно, это изменение, по сравнению с изменением вышеуказанных свойств, происходит медленно. Можно сравнить отношение этих двух видов изменений с отношением движений часовой и минутной стрелок на часах. Силы, вызывающие это изме-

нение характера или темперамента, принадлежат к сокрытой области эфирного тела. Они однородны с силами, господствующими в царстве жизни, то есть с силами роста, питания и теми, которые служат размножению. Эти вещи получают надлежащее освещение при дальнейшем рассмотрении. Итак, не тогда работает Я над астральным телом, когда человек просто отдается наслаждению и страданию, радости и горю, а когда изменяются особенности этих душевных свойств. И таким же образом простирается работа на эфирное тело, когда Я направляет свою деятельность на изменение свойств его характера, его темпераментов и т. д. И над этим изменением работает каждый человек, сознает ли он это или нет. Наиболее сильные импульсы, ведущие в обыкновенной жизни к этому изменению, суть религиозные импульсы. Когда Я все снова и снова отдается воздействию побуждений, притекающих из религии, то они образуют в нем силу, действующую вплоть до эфирного тела и преобразующую его подобно тому, как более слабые жизненные побуждения вызывают превращение астрального тела. Эти более слабые жизненные побуждения, которые человек получает путем учения, размышления, облагораживания чувств и т. д., подвержены многообразной изменчивости бытия; религиозные же ощущения налагают на все мышление, чувствование и волю печать чего-то единого. Они проливают как бы общий, единый свет на всю душевную жизнь. Человек думает и чувствует сегодня одно, завтра другое. Это вызывается самыми разнообразными поводами. Но кто благодаря своему религиозному ощущению – какого бы рода оно ни было – смутно чувствует нечто такое, что происходит через все изменения, тот отнесет к этому основному ощущению в одинаковой мере как то, что он думает и чувствует сегодня, так и завтрашние переживания своей души. Благодаря этому религиозное исповедание имеет определяющее значение в душевной жизни: его влияния с течением времени все более усиливаются, ибо их действие постоянно повторяется. Поэтому они приобретают силу действовать на эфирное тело. Сходным образом действуют на человека влияния истинного искусства. Когда он через внешнюю форму, через краску и звук художественного произведения проникает представлением и чувством в духовные основы этого произведения, то импульсы, которые таким путем получает Я, действуют на самом деле вплоть до эфирного тела. Если продумать эту мысль до конца, то можно взвесить, какое огромное значение имеет искусство для всего человеческого развития. Этим было указано только на некоторые явления, доставляющие Я побуждения к действию на эфирное тело. В человеческой жизни существует много таких влияний, которые не так явны для наблюдающего взгляда, как только что названные. Но и из них уже видно, что в человеке скрыт еще дальнейший член его существа, все более и более вырабатываемый его Я. Тайноведение может обозначить этот член как второй член духа, а именно как Жизне-дух. (Это то же самое, что в восточной мудрости называют «Будхи».) Выражение «Жизне-дух» потому оказывается подходящим, что в обозначаемом им действуют те же силы, которые действуют и в «жизненном теле»; только в этих силах, когда они проявляются как «жизненное тело», не действует человеческое Я. Когда же они проявляются как «Жизне-дух», то бывают проникнуты деятельностью Я.

Интеллектуальное развитие человека, его очищение и облагораживание чувств и проявлений воли являются мерилем превращения астрального тела в Само-дух; его религиозные переживания и многие опытные знания запечатлеваются в эфирном теле и превращают его в Жизне-дух. При обычном течении жизни это происходит более или менее бессознательно; зато так называемое посвящение человека состоит в том, что ему тайноведением указываются средства, при помощи которых он может вполне сознательно овладеть этой работой в Само-духе и Жизне-духе. Об этих средствах будет речь дальше в этой книге. Пока необходимо было только указать, что в человеке, кроме души и тела, действует также дух. Из дальнейшего также выяснится, что этот дух принадлежит к вечному в человеке, в противоположность преходящему телу.

Но работой над астральным и эфирным телом не исчерпывается еще деятельность Я. Она простирается также и на физическое тело. Некоторый налет влияния Я на физическое тело можно видеть в том, когда человек благодаря известным переживаниям, например, краснеет или бледнеет. Здесь Я на самом деле обуславливает процесс в физическом теле. А если благодаря деятельности Я в человеке происходят изменения в смысле его воздействия на физическое тело, то это значит, что Я действительно связано со скрытыми силами этого физического тела. С теми самыми силами, которые обуславливают его физические процессы. В тайноведении говорят, что в этой деятельности сказывается работа Я над физическим телом. Это выражение не должно быть понято превратно. Не должно возникать даже и мысли, будто эта работа есть нечто грубо материальное. То, что в физическом теле является как грубо материальное, это ведь только видимое в нем. За этим видимым лежат скрытые силы его существа. А они духовного рода. Здесь идет речь не о работе над материальным, каковым является физическое тело, но о духовной работе над невидимыми силами, которые дают ему возникнуть и затем опять приводят к распадению. В обыкновенной жизни эта работа Я над физическим телом может доходить лишь с очень незначительной ясностью до сознания человека. Эта ясность достигается в полной мере лишь в том случае, когда под влиянием тайноведения человек сознательно берется за работу. Тогда выясняется, что в человеке существует еще третий духовный член. Это тот, который тайноведение называет Духо-человеком в противоположность физическому человеку. (В восточной мудрости этот «Духо-человек» называется «Атма».)

Относительно Духо-человека легко может ввести в заблуждение то, что в физическом теле видят низший член человека, и поэтому трудно бывает освоиться с мыслью, что работа над этим физическим телом должна исходить из наивысшего члена человеческого существа. Но именно потому, что физическое тело скрывает под тремя покровами действующего в нем духа, необходима человеческая работа наивысшего порядка, чтобы соединить Я с тем, что является сокровищем духом этого тела.

Таким образом, для тайноведения человек представляется существом, состоящим из различных членов. Телесного рода суть: физическое тело, эфирное тело и астральное тело. Духовного: душа ощущающая, душа рассудочная и душа сознательная. В душе Я распространяет свой свет. И духовного: Само-дух, Жизне-дух и Духо-человек. Из вышеизложенного вытекает, что душа ощущающая и астральное тело тесно связаны между собой и в известном отношении составляют одно целое. Подобным же образом составляют одно целое душа сознательная и Само-дух. Ибо в душе сознательной вспыхивает дух, и из нее он проникает светом другие члены человеческой природы. Сообразно с этим в тайноведении говорится также о следующем разделении человека. Астральное тело и душу ощущающую соединяют в один член, точно так же душу сознательную и Само-дух, а душу рассудочную – так как она причастна природе Я и так как она в известном отношении и есть само Я, которое еще только не осознано своей духовной сущности, – называют просто «Я» и получают тогда семь частей человека: 1) физическое тело; 2) эфирное тело или жизненное тело; 3) астральное тело; 4) Я; 5) Само-дух; 6) Жизне-дух; 7) Духо-человек.

Даже и для человека, привыкшего к материалистическим представлениям, это подразделение человека с лежащим в его основе числом семь не имело бы в себе того «неясно магического», которое он часто приписывает этому числу, если бы он точно придерживался смысла вышеприведенного изложения и сам заранее не вносил бы во все это «магического». Только с точки зрения более возвышенного наблюдения мира и ни с какой иной, говорит тайноведение об этих «семи» членах человека, как говорят о семи цветах света или о семи звуках гаммы (рассматривая октаву как повторение основного тона). Как свет является в семи цветах, звук – на семи ступенях, так единая человеческая природа – в семи означенных членах. Как в звуке и цвете число семь не вносит с собою ничего «суеверного», так не имеет

это места и в тайноведении. (Когда это однажды излагалось устно, было сделано возражение, что относительно цвета с числом семь дело обстоит не совсем так, ибо по ту сторону «красного» и «фиолетового» существуют еще другие цвета, не воспринимаемые только глазом. Но если принять в соображение и это, то сравнение с семью цветами все-таки сохраняет свое значение, так как существо человека продолжается как по ту сторону физического тела, так и по ту сторону Духо-человека; только для средств духовного наблюдения, о которых говорит пока тайноведение, эти продолжения человеческого существа «духовно невидимы», как цвета по ту сторону красного и фиолетового невидимы для физического глаза. Это замечание необходимо было сделать ввиду той легкости, с какой возникает мнение, будто тайноведение недостаточно считается с естественнонаучным мышлением и обнаруживает в этом отношении дилетантизм. Но кто правильно отнесется к тому, что хочет сказать тайноведение, тот может убедиться, что оно поистине нигде не находится в противоречии с подлинным естествознанием: ни в том случае, когда оно для наглядности приводит естественнонаучные факты, ни когда оно вступает со своими суждениями в непосредственное отношение к естественнонаучному исследованию.)

ГЛАВА 3

СОН И СМЕРТЬ

Нельзя постичь сущности бодрствующего сознания без наблюдения того состояния, которое переживает человек во время сна, и нельзя приблизиться к загадке жизни, не занявшись рассмотрением смерти. В человеке, который живо не чувствует значения тайноведения, могут возникнуть сомнения относительно этой науки уже по поводу того, как она занимается рассмотрением сна и смерти. Тайноведение умеет ценить побудительные причины, из которых исходят такие сомнения. Ибо нет ничего непонятного, если кто говорит, что человек создан для деятельной, действенной жизни и что его творчество зиждется на отдаче себя ей, а углубление в такие состояния, как сон и смерть, может проистекать лишь из склонности к праздной мечтательности и вести ни к чему иному, как к пустой фантастике. В отклонении такой «фантастики» люди легко могут усмотреть выражение здоровой души, а в отдаче себя подобной «праздной мечтательности» – нечто болезненное, свойственное только лицам, которым недостает жизненной силы и жизнерадостности и которые не способны к «истинному творчеству». Было бы неправильным счесть такое суждение просто неверным, ибо оно имеет в себе некоторую долю истины; это только четверть истины, которая должна быть дополнена остальными, принадлежащими к ней тремя четвертями. И в человеке, который отлично видит эту четверть истины, но ничего не подозревает об остальных трех четвертях, это вызовет только недоверие, если начать оспаривать эту верную четверть. Необходимо безусловно признать, что рассмотрение того, что скрывают сон и смерть, болезненно, если оно ведет к ослаблению, к отвращению от истинной жизни. В меньшей степени можно согласиться и с тем, что многое, издавна называвшееся в мире тайноведением и в настоящее время распространенное под этим именем, носит нездоровый, враждебный жизни отпечаток. Но это нездоровое вытекает отнюдь не из истинного тайноведения. Истинное положение вещей скорее в следующем: как человек не может постоянно бодрствовать, так и для действительных жизненных отношений во всем их объеме он не может обойтись без того, что может дать ему тайноведение. Жизнь продолжается во время сна, и силы, работающие и творящие во время бодрствования, черпают себе освежение и крепость из того, что дает им сон. Так происходит это с тем, что человек может наблюдать в видимом мире. Область мира шире, нежели поле этого наблюдения. И то, что человек познает в видимом, должно быть дополнено и оплодотворено тем, что он может знать о невидимых мирах. Человек, который все снова не черпал бы из сна подкрепления для своих ослабевших сил, привел бы свою жизнь к разрушению; точно так же и рассмотрение мира, не оплодотворяемое познанием сокровенного, должно привести к запустению. То же относится и к «смерти». Живые существа подпадают смерти, чтобы могла возникнуть новая жизнь. Именно тайноведение бросает яркий свет на прекрасное изречение Гете: «Природа изобрела смерть, чтобы иметь много жизни». Как без смерти не могло бы быть жизни в обыкновенном смысле, так не может быть действительного познания видимого мира без знания о невидимом. Всякое познание видимого должно все снова и снова окунаться в невидимое, чтобы мочь развиваться. Из этого ясно, что одно тайноведение делает возможной жизнь внешнего знания, но оно никогда не ослабляет жизни, когда появляется в своем истинном образе; оно укрепляет и постоянно освежает и оздоравливает ее, если эта жизнь, представленная самой себе, сделалась слабой и больной.

Когда человек погружается в сон, то изменяется связь между его членами, как она была описана выше в этой книге. Та часть спящего человека, которая покоится на ложе, содержит в себе физическое и эфирное тело, но не содержит астрального тела и Я. Так как во

сне эфирное тело остается связанным с физическим телом, то жизненная деятельность продолжается, ибо в то мгновение, как физическое тело было бы предоставлено самому себе, оно должно было бы распасться. Погашенными же оказываются во сне представления, страдание и наслаждение, радость и горе, способность проявлять сознательную волю и другие подобные явления бытия. Носителем всего этого является астральное тело. При непредвзятом суждении не может, конечно, возникнуть мнения, будто во сне астральное тело со всем его наслаждением и страданием, со всем миром представлений и воли уничтожается. Оно существует, но в ином состоянии. Чтобы человеческое Я и астральное тело не только были исполнены наслаждения и страдания и всего вышеназванного, но также и сознательно воспринимали все это, для этого необходимо, чтобы астральное тело было связано с физическим и эфирным телом. В бодрственном состоянии оно связано с ними, во время же сна – нет. Оно вышло из них. Оно приняло иной ряд бытия, чем то, какое присуще ему во время его связи с физическим и эфирным телом. Это и есть задача тайноведения – рассмотреть этот иной род бытия в астральном теле. Для наблюдения во внешнем мире астральное тело во время сна исчезает; тайноведение должно проследить его теперь в его жизни, пока оно не овладеет снова физическим и эфирным телом при пробуждении. Как во всех случаях, когда дело касается познания сокрытых вещей и событий мира, для нахождения действительных явлений сна в их подлинном виде необходимо ясновидящее наблюдение; но при сообщении того, что может быть найдено этим наблюдением, сообщаемое бывает вполне понятным для истинно непредвзятого мышления. Ибо события сокрытого мира обнаруживаются в своих действиях в мире видимом. Когда видишь, как показания ясновидящего наблюдения объясняют видимые явления, то такое подтверждение самую жизнь служит тем доказательством, какого можно требовать в подобных вещах. Кто не желает воспользоваться указанными далее средствами для достижения ясновидящего наблюдения, может произвести следующий опыт. Он может пока принять сообщения ясновидящего и затем приложить их к видимым данным своего опыта. Таким путем он увидит, что благодаря этому жизнь станет понятной и ясной. И чем точнее и внимательнее будет он наблюдать обыкновенную жизнь, тем более убедится он в этом.

Если астральное тело во время сна и не переживает никаких представлений, если оно и не испытывает радости и горя и подобного им, оно все же не остается бездейственным. Напротив того, именно в состоянии сна и надлежит ему проявлять усиленную деятельность. Ибо это оно вновь укрепляет и обновляет истощенные бодрствованием силы человека. Пока астральное тело связано с физическим и эфирным телом, оно через них вступает в отношения к внешнему миру. Они доставляют ему восприятия и представления: через впечатления, которые они получают от окружающего, переживает оно радость и страдание. Физическое тело может сохранить присущие ему для человека форму и образ лишь с помощью человеческого эфирного тела. Но эта человеческая форма физического тела может быть сохранена только таким эфирным телом, которому в свою очередь доставляются соответственные силы телом астральным. Эфирное тело – создатель, строитель физического тела. Но оно может правильно образовывать его только тогда, если побуждение к тому, как оно должно образовывать, получается им от астрального тела. В последнем находятся прообразы, по которым эфирное тело дает физическому телу его облик. Во время бодрствования астральное тело не наполнено этими прообразами физического тела или по крайней мере наполнено ими только до известной степени, ибо во время бодрствования душа ставит свои собственные образы на место этих прообразов. Когда человек направляет внешние чувства на окружающее его, то он именно через восприятие создает в своих представлениях образы, которые суть отображения окружающего его мира. Эти отображения бывают вначале помехой для тех образов, которые побуждают эфирное тело к сохранению физического тела. Этой помехи не было бы только в том случае, если бы человек собственной деятельностью мог доставлять своему

астральному телу те образы, которые могут дать эфирному телу надлежащее побуждение. Но в человеческом бытии именно эта помеха играет важную роль. И она выражается в том, что во время бодрствования прообразы эфирного тела не действуют в своей полной силе. Это сказывается в утомлении. Во время сна никакие внешние впечатления не препятствуют силе астрального тела. Поэтому оно в этом состоянии может устранять утомление. В устранении утомления состоит работа астрального тела во время сна. И, только покидая физическое и эфирное тело, может оно совершать эту работу. Во время бодрствования астральное тело совершает свою работу внутри физического тела; во сне оно работает над ним извне.

Как физическое тело нуждается, например, для доставления средств питания во внешнем мире, с которым оно однородно, так нечто подобное имеет место и для тела астрального. Представим себе физическое тело человека удаленным из окружающего его мира. Оно должно было бы погибнуть. Это показывает, что оно не может существовать без всего физического окружения. Действительно, вся Земля должна быть именно такой, какова она есть, чтобы на ней могли существовать физические человеческие тела. И, в сущности, все человеческое тело есть только часть Земли, в более широком смысле – даже часть всей физической вселенной. Оно относится к ней, как, например, палец руки ко всему человеческому телу. Отделите палец от руки, и он не сможет остаться пальцем. Он засохнет. То же самое произошло бы и с человеческим телом, если удалить его от того тела, которого оно является членом: от жизненных условий, которые ему доставляет Земля. Поднимите его на достаточное число миль над поверхностью Земли, и оно погибнет, как погибает палец, отрезанный от руки. Если человек в применении к своему физическому телу менее замечает этот факт, нежели когда речь идет об отношении пальца к телу, то это основано главным образом на том, что палец не может разгуливать по телу, как человек по Земле, и что поэтому зависимость пальца больше бросается в глаза.

Как физическое тело включено в физический мир, к которому оно принадлежит, так и астральное тело принадлежит к своему миру. Но только бодрственная жизнь вырывает его из этого мира. То, что происходит при этом, можно уяснить себе с помощью сравнения. Представим себе сосуд с водой. Капля внутри всей этой водной массы не является чем-то обособленным. Но возьмем маленькую губку и дадим ей впитать в себя одну каплю из всей водной массы. Нечто в этом роде происходит и с астральным телом при пробуждении. Во время сна оно находится в подобном ему мире. Оно известным образом принадлежит к нему. При пробуждении физическое тело и эфирное тело впитывают его в себя. Они наполняются им. Они содержат органы, посредством которых оно воспринимает внешний мир. Оно же, чтобы прийти к этому восприятию, должно выделиться из своего мира. Но только из этого своего мира может оно получить прообразы, необходимые ему для эфирного тела. Как физическому телу доставляются, например, средства питания из окружающей его среды, так астральное тело получает во время состояния сна образы из окружающего его мира. Оно тогда действительно живет вне физического и эфирного тела во вселенной. В той самой вселенной, из которой родился весь человек. В этой вселенной – источник образов, благодаря которым человек получает свой облик. Он гармонически включен в эту вселенную. И во время бодрствования он выступает из этой всеобъемлющей гармонии, чтобы прийти к внешнему восприятию. Во время сна его астральное тело возвращается в эту гармонию вселенной. При пробуждении оно приносит из нее в свои тела столько силы, что на некоторое время оно снова может отказаться от пребывания в этой гармонии. Астральное тело возвращается во время сна в свою родину и при пробуждении приносит с собою в жизнь вновь укрепленные силы. Достояние, которое астральное тело приносит с собою при пробуждении, находит свое внешнее выражение в ощущении свежести, даруемой здоровым сном. Из дальнейшего изложения тайноведения будет видно, что эта родина астрального тела обширнее того окружающего физического мира, который в более тесном смысле относится к физическому телу.

В то время, как человек как физическое существо есть член Земли, его астральное тело принадлежит мирам, в которые включены кроме нашей Земли еще иные мировые тела. Таким образом во время сна – что, как было сказано, может выясниться только из дальнейшего изложения – он вступает в мир, к которому принадлежат иные звезды, чем наша Земля. В признании того факта, что человек во время сна живет в звездном мире (в «астральном» мире), тайноведение и называет тот член человека, который имеет свою истинную родину в этом «астральном» мире и который с каждым переходом в состояние сна черпает из этого мира обновленную силу, – телом астральным.

Казалось бы ненужным указывать на легко могущее возникнуть недоразумение относительно этих фактов. Но это не будет лишним в наше время, когда существуют известные материалистические формы представления. Из той среды, где они господствуют, могут, конечно, сказать, что единственно научным было бы исследовать такие вещи, как утомление, с точки зрения их физических условий. Если ученые и не пришли еще к согласию относительно физической причины утомления, несомненно все же одно: надо принять определенные физические процессы, лежащие в основе этого явления. Но когда же наконец признают, что тайноведение вовсе не находится в противоречии с этим утверждением. Оно допускает все, что говорится в этом направлении, как допускают, что для физического возникновения дома кирпичи кладутся рядами друг на друга и что, когда дом готов, то его форма и взаимная связь частей могут быть объяснены чисто механическими законами. Но чтобы дом возник, для этого необходима мысль строителя. Ее же не найти, если исследовать только физические законы. Как за физическими законами, которыми объясняется дом, стоят мысли его строителя, так за тем, что вполне правильно приводит физическая наука, стоит то, о чем говорит тайноведение. Правда, это сравнение часто приводится, когда идет речь о доказательстве духовной основы мира. И его можно найти избитым. Но в таких вещах дело идет вовсе не о знакомстве с известными понятиями, а о том, чтобы при обосновании чего-либо им придан был надлежащий вес. Этому может помешать просто то обстоятельство, что противоположные представления имеют слишком большую власть над суждением и тем самым препятствуют надлежащим образом ощутить этот вес.

Промежуточное состояние между бодрствованием и сном есть состояние сновидения. Вдумчивому наблюдению сновидческие переживания представляются пестрым, волнующимся миром образов, который таит в себе, однако, некоторую правильность и закономерность. Прилив и отлив образов, часто в беспорядочной смене, – вот что вначале, по видимому, являет этот мир. В своей сновидческой жизни человек освобожден от закона бодрствующего сознания, которое приковывает его к чувственному восприятию и к законам его способности суждения. И, тем не менее, сновидение содержит в себе нечто из таинственных законов, чарующих и привлекающих восторженное чувство человека; они же бывают и более глубокой причиной того, что прекрасную игру фантазии, лежащую в основе художественного ощущения, люди охотно сравнивают со «сновидением». Достаточно только вспомнить некоторые характерные сновидения, чтобы найти подтверждение сказанному. Например, человеку снится, будто он отгоняет бросающуюся на него собаку. Он просыпается и ловит себя на том, что он бессознательно сбрасывает с себя одеяло, которое непривычно, а потому обременительно, легло на какую-нибудь часть тела. Что делает здесь сновидческая жизнь из чувственно воспринимаемого процесса? То, что было бы воспринято внешними чувствами в бодрственном состоянии, сон оставляет пока совершенно в области бессознательного. Но он удерживает нечто существенное, а именно тот факт, что человек хочет что-то отстранить от себя. И вокруг этого он тклет образное событие. Образы, как таковые, являются отзвуками бодрственной дневной жизни. В том, как они из нее заимствованы, есть нечто произвольное. У каждого есть ощущение, что при том же самом внешнем поводе сон мог бы породить и иные образы. Но ощущение, что человек должен что-то отстранить, они выражают

символически. Сон творит символические образы; он символист. Так же и внутренние процессы могут превратиться в такие сновидческие символы. Человеку снится, что около него трещит огонь. Он просыпается и чувствует, что он слишком укрылся, и ему стало жарко. Чувство слишком большого тепла символически выражается в образе. Во сне могут разыгрываться очень драматические переживания. Кому-нибудь снится, например, что он стоит над пропастью. Он видит, как к ней подбегает дитя. Сновидение заставляет его пережить все муки мысли, как бы дитя по неосторожности не упало в пропасть. Он видит, как оно падает, и слышит внизу глухой удар тела. Он просыпается и видит, что предмет, висевший в комнате на стене, оторвался и при своем падении издал глухой звук. Этот простой процесс сновидческая жизнь выражает в событии, которое разыгрывается в захватывающих образах. Пока нет никакой нужды вдаваться в размышление о том, каким образом в последнем примере мгновение глухого падения предмета распадается на ряд событий, продолжающихся, по-видимому, в течение известного времени. Заметим только, как сновидение превращает в образ то, что при бодрствовании было бы чувственным восприятием.

Отсюда видно, что как только внешние чувства прекращают свою деятельность, в человеке проявляется творческая сила. Это та же творческая сила, которая имеется во время глубокого, лишенного сновидений сна, когда она вновь освежает утомленные силы. Чтобы наступил такой сон без сновидений, астральное тело должно выделиться из эфирного физического тела. Во время сновидения оно отделено от физического тела, поскольку оно не имеет никакой связи с его органами чувств; но с эфирным телом оно еще поддерживает некоторую связь. То, что процессы астрального тела могут быть восприняты в образах, происходит от этой его связи с эфирным телом. В то мгновение, когда прекращается и эта связь, образы погружаются в тьму бессознательности и наступает сон без сновидений. Произвольное же и часто нелепое в образах сновидений происходит оттого, что астральное тело вследствие своей отделенности от органов чувств физического тела, не может связать свои образы с соответствующими предметами и событиями внешней среды. Особенно ясно можно уяснить себе этот факт, рассматривая такое сновидение, в котором «Я» до некоторой степени расщепляется. Например, когда кому-нибудь снится, что он, будучи учеником, не может ответить на заданный ему учителем вопрос, между тем как учитель тотчас же вслед за тем сам отвечает на него. Так как тот, кому это снится, не может пользоваться органами восприятия своего физического тела, он не в состоянии отнести оба эти события к себе, как к одному и тому же человеку. Таким образом, чтобы познать себя как пребывающее Я, человеку необходимы прежде всего органы восприятия. Лишь в том случае, если бы человек приобрел способность сознавать свое Я иным путем, чем через такие органы восприятия, он мог бы воспринимать пребывающее Я также и вне своего физического тела. Такую способность должно приобрести ясновидящее сознание, и в этой книге будет дальше речь о средствах, которые ведут к этому.

Смерть наступает также только благодаря изменению во взаимной связи между членами человеческого существа. То, что дает в этом отношении ясновидящее наблюдение, также может быть зримо в своих действиях в видимом мире; непредвзятое суждение найдет и здесь через наблюдение внешней жизни подтверждение сообщений тайноведения. Но в этих фактах выражение невидимого в видимом менее явственно, и здесь труднее вполне ощутить всю вескость подтверждений, почерпаемых тайноведением в явлениях внешней жизни. Такие сообщения еще легче, чем многое другое, уже изложенное в этой книге, могут быть сочтены просто за продукт фантазии, особенно если отказаться от познания того, как в видимом повсюду имеется явное указание на невидимое.

Между тем, как при переходе в сон астральное тело освобождается только от своей связи с эфирным и физическим телами, последние же остаются соединенными, — со смертью наступает отделение физического тела от эфирного. Физическое тело остается предостав-

ленным своим собственным силам и поэтому как труп должно распасться. Для эфирного же тела теперь со смертью наступает состояние, в котором оно никогда не находилось прежде в период между рождением и смертью, если не считать некоторых особенных состояний, о которых еще будет речь дальше. А именно: оно соединено теперь со своим астральным телом без участия физического тела. Ибо не сейчас же по наступлении смерти эфирное тело отделяется от астрального. Они сдерживаются некоторое время силой, существование которой вполне понятно. Ибо, если бы ее не было, то эфирное тело совсем не могло бы высвободиться из физического. Что оно связано с ним, это показывает сон, при котором астральное тело не в состоянии порвать связь между этими двумя членами человека. Эта сила начинает действовать с наступлением смерти. Она высвобождает эфирное тело из физического так, что эфирное тело соединено теперь с астральным. Ясновидящее наблюдение показывает, что связь эта после смерти различных людей различна. Продолжительность ее измеряется днями. Об этом промежутке времени пусть будет здесь пока только упомянуто. Позднее астральное тело освобождается и от своего эфирного тела и идет своими путями дальше уже без него. Когда оба тела еще соединены, человек пребывает в таком состоянии, в котором он может воспринимать переживания своего астрального тела. Пока у человека есть физическое тело, астральному тотчас же по выходе из него приходится начинать работу извне, чтобы освежить истощенные органы. По отделении физического тела эта работа отпадает. Но сила, которая тратится на нее, когда человек спит, остается и после смерти и может быть потрачена на другое; она тратится теперь на то, чтобы сделать доступными восприятию процессы собственного астрального тела. Во время связи человека с физическим телом внешний мир вступает в сознание в отображениях. После отделения этого тела становится доступным восприятию то, что переживает астральное тело, когда оно не связано с внешним миром при помощи физических органов чувств. Вначале у него нет новых переживаний. Связь с эфирным телом мешает ему пережить что-нибудь новое. Но зато оно обладает воспоминанием об истекшей жизни. И эфирное тело, которое еще существует, вызывает это воспоминание в виде обширной, исполненной жизни картины. Это первое переживание человека после смерти. Он воспринимает жизнь между рождением и смертью как расстилающийся перед ним ряд образов. Во время этой жизни, когда человек связан со своим физическим телом, воспоминание бывает только в бодрственном состоянии. Оно имеется, лишь поскольку это допускает физическое тело. Но для души ничто не пропадает из того, что производит на нее впечатление в жизни. Если бы физическое тело было для этого совершенным орудием, то можно было бы в каждое мгновение жизни вызвать перед душою все ее прошлое. Со смертью это препятствие исчезает. Пока у человека сохраняется эфирное тело, существует известное совершенство воспоминания. Но оно исчезает по мере того, как эфирное тело теряет форму, которую оно имело во время своего пребывания в физическом теле и которая похожа на физическое тело. Это является также причиной, почему астральное тело через некоторое время отделяется от эфирного тела. Оно может оставаться соединенным с ним только до тех пор, пока сохраняется его соответствующая физическому телу форма. В течение жизни между рождением и смертью отделение эфирного тела происходит только в исключительных случаях и только на короткое время. Если, например, человек придавит какой-нибудь из своих членов, то часть эфирного тела может выделиться из физического. Тогда о члене, с которым это произошло, говорят, что он «онемел». И то своеобразное чувство, которое при этом ощущается, происходит вследствие отделения эфирного тела. (Конечно, материалистический образ представления может и здесь отрицать существование невидимого в видимом и сказать: все это происходит от физического нарушения, вызванного давлением.) Ясновидящее наблюдение может в подобном случае видеть, как соответствующая часть эфирного тела выступает из физического. Когда человек переживает необычайный испуг или нечто подобное, то для значительной части тела может на очень короткое время наступить такое отделение

эфирного тела. Это случается, когда человек видит себя по какой-нибудь причине неожиданно близким к смерти, когда он, например, тонет или когда ему в горах грозит падение в пропасть. Рассказы людей, имевших такое переживание, действительно близки к истине и могут быть подтверждены ясновидящим наблюдением. Они передают, что в такие мгновения вся их жизнь вставала перед их душой, как большая картина воспоминания. Из многих примеров, которые здесь можно было бы привести, укажем только на один, ибо он исходит от человека, для образа представления которого все, что говорится здесь о таких вещах, должно казаться пустой фантастикой. (Для вступившего на путь тайноведения бывает всегда очень полезно познакомиться с показаниями тех, кто считает эту науку за фантастику. При таких показаниях не так легко упрекнуть наблюдателя в предвзятости. Пусть только тайноведы как можно больше учатся у тех, которые считают их стремления за бессмыслицу. Их не должно смущать, если они не встретят со стороны последних такого же интереса и к себе. Тайноведческое наблюдение само не нуждается, конечно, в таких вещах для подтверждения своих данных; этими указаниями оно хочет не доказать, а пояснить.) Замечательный криминалист-антрополог и выдающийся во многих других областях естествознания исследователь Мориц Бенедикт рассказывает в своих воспоминаниях пережитый им самим случай, как он однажды, купаясь, чуть не утонул и как в это мгновение вся жизнь его предстала ему в воспоминании словно в одной картине. Если другие и иначе описывают пережитые ими при подобных обстоятельствах картины, даже так, что они, по-видимому, имеют мало общего с событиями их прошлого, то это не противоречит сказанному, ибо картины, возникающие при столь необычном состоянии отделения от физического тела, часто не так легко могут быть объяснены в их связи с жизнью. Но при правильном рассмотрении всегда можно найти эту связь. Не будет возражением и то, если, например, кто-нибудь, утопая, не имел описанного переживания. Необходимо принять в соображение, что оно может наступить только в том случае, когда эфирное тело действительно отделено от физического, но тем не менее остается в связи с астральным телом. Если же вследствие испуга ослабляется связь эфирного и астрального тел, то описанного переживания не бывает, ибо тогда наступает полная бессознательность, как во время сна без сновидений.

В первое время после смерти пережитое прошлое является объединенным в одну картину воспоминания. После отделения от эфирного тела астральное тело продолжает без него свое дальнейшее странствие. Нетрудно понять, что в астральном теле остается все то, что оно благодаря собственной деятельности сделало своим достоянием во время своего пребывания в физическом теле. «Я» до известной степени выработало Само-духа, Жизне-духа и Духо-человека. Поскольку они оказываются развиты, они получают свое бытие не от тех органов, которые существуют в телах, а от Я. Но это Я и есть именно та сущность, которая не нуждается для своего восприятия во внешних органах. И они не нужны ему также, чтобы остаться во владении всем тем, что оно соединило с собой. Можно было бы возразить: почему же во время сна нет восприятия этого развитого Само-духа, Жизне-духа и Духо-человека? Его нет по той причине, что Я между рождением и смертью приковано к физическому телу. Хотя во время сна оно находится с астральным телом вне физического тела, оно все-таки остается тесно связанным с последним. Ибо деятельность его астрального тела направлена на физическое тело. Вследствие этого Я обращено в своем восприятии на внешний чувственный мир и не может поэтому получать откровений духовного в его непосредственном облике. Лишь со смертью наступает для Я такое откровение, ибо она освобождает его от связи с физическим и эфирным телами. В то мгновение, когда сознание выходит из физического мира, который при жизни приковывает к себе его деятельность, может для него вспыхнуть иной мир. Но есть причины, по которым и в это мгновение не прекращается для человека всецело связь с внешним чувственным миром. А именно остаются некоторые вожделения, которые поддерживают эту связь. Это вожделения, порождаемые человеком как

раз благодаря тому, что он сознает свое Я как четвертый член своего существа. Вожделения и желания, вытекающие из существа трех низших тел, могут действовать только во внешнем мире, и, когда эти тела отпадают, они прекращаются. Голод вызывается внешним телом; он умолкает, как только внешнее тело перестает быть связанным с Я. Если бы Я не имело иных вожделений, кроме тех, что исходят из его собственной духовной сущности, оно могло бы с наступлением смерти почерпнуть полное удовлетворение из духовного мира, в который оно перешло. Но жизнь дала ему еще иные вожделения. Она зажгла в нем жажду наслаждений, которые могут быть удовлетворены только с помощью физических органов, хотя сами вовсе и не вытекают из сущности самих этих органов. Не только три тела требуют своего удовлетворения через физический мир, но и само Я находит внутри этого мира наслаждения, для удовлетворения которых в духовном мире вообще не существует объекта. Для Я существуют в жизни двоякого рода желания. Такие, источник которых находится в телах и которые, следовательно, должны быть удовлетворены внутри тел, но зато и прекращаются с распадением тел. Затем такие, которые вытекают из духовной природы Я. Пока Я находится в телах, эти желания удовлетворяются также посредством телесных органов. Ибо в проявлениях органов тела действует скрытое духовное. И во всем, что воспринимают внешние чувства, они в то же время получают духовное. Это духовное, хотя и в иной форме, существует и после смерти. Все, чего жаждет Я от духовного внутри чувственного мира, оно сохраняет и тогда, когда внешних чувств уже нет. Если бы к этим двум видам желаний не присоединился еще третий, смерть означала бы только переход от вожделений, которые могут быть удовлетворены внешними чувствами, к таким, которые осуществляются в откровении духовного мира. Третий вид желаний – это те, которые Я порождает во время своей жизни в чувственном мире тем, что оно находит в нем наслаждение независимо от проявления в нем духовного. Самые низкие наслаждения могут быть откровениями духа. Удовлетворение, доставляемое голодному существу принятием пищи, есть откровение духа. Ибо через принятие пищи осуществляется то, без чего духовное в известном отношении не могло бы развиваться. Но Я может выйти за пределы того наслаждения, которое необходимо требуется этим фактом. Оно может стремиться к вкусной пище совершенно независимо от услуги, которая оказывается духу через принятие пищи. То же самое бывает и относительно других вещей чувственного мира. Благодаря этому зарождаются те желания, которые никогда не появились бы в чувственном мире, если бы в него не было включено человеческое Я. Но такие желания не исходят из духовной сущности Я. Пока Я живет в теле, оно должно иметь чувственные наслаждения, поскольку само оно духовно. Ибо в чувственном открывается дух. И Я приобщается духу, когда оно в чувственном мире отдается тому, что пронизано светом духа. Оно останется приобщенным этому свету и тогда, когда чувственность уже не будет больше средою, через которую приходят лучи духа. Но в духовном мире не может быть осуществления таких желаний, в которых уже в чувственном не живет дух. С наступлением смерти для этих желаний отрезана возможность наслаждения. Наслаждение вкусной пищей может быть вызвано только тем, что имеются физические органы, которыми пользуются при принятии пищи: нёбо, язык и т. д. После отделения физического тела человек не имеет их больше. Если же Я еще испытывает потребность в таком наслаждении, то эта потребность должна остаться неудовлетворенной. Поскольку это наслаждение соответствует духу, оно существует только до тех пор, пока имеются физические органы. Поскольку же Я породило его, не служа этим духу, оно остается после смерти в виде желания, которое тщетно жаждет удовлетворения. Можно составить себе понятие о том, что происходит тогда в человеке, если представить себе, что кто-нибудь испытывает сильнейшую жажду в местности, где далеко вокруг нельзя найти воды. Так же бывает и с Я, поскольку оно после смерти сохраняет неугасшие вожделения наслаждений внешнего мира и не имеет органов для их удовлетворения. Жгучую жажду, которая служит для сравнения с состоянием Я после смерти, сле-

дует, конечно, мыслить возросшей до бесконечности и представить себе распространенной на все имеющиеся еще вожеления, для которых отсутствует всякая возможность удовлетворения. Следующее состояние Я заключается в том, чтобы освободиться от этого притяжения, связывающего его с внешним миром. Я должно в этом отношении очиститься и освободиться. В нем должны быть уничтожены все желания, порожденные им внутри тела и не имеющие права на существование в духовном мире. Как предмет охватывается огнем и сгорает, так распадается и разрушается после смерти описанный мир вожелений. Это открывает взору тот мир, который тайноведение обозначает как «пожирающий огонь духа». Этим «огнем» охватывается всякое вожеление чувственного рода, если это чувственное таково, что оно не является выражением духа. Такие представления об этих событиях, какие приходится давать тайноведение, можно было бы найти безотрадными и страшными. Могло бы показаться ужасным, что надежда, для удовлетворения которой необходимы чувственные органы, должна после смерти превратиться в безнадежность; что желание, которое может удовлетворить только физический мир, должно превратиться в жгучее лишение. Но думать так можно лишь до тех пор, пока не размыслишь, что все желания и вожеления, которые после смерти охватываются «пожирающим огнем», в высшем смысле представляют собою не благодетельные, а разрушительные силы жизни. Через эти силы Я устанавливает с чувственным миром более крепкую связь, чем необходимо для того, чтобы воспринять в себя из этого чувственного мира все то, что ему надлежит воспринять. Чувственный мир есть открытие скрытого за ним духовного. Я никогда не могло бы приобщиться духу в той форме, в какой он может раскрываться только через телесные чувства, если бы оно отказалось пользоваться этими чувствами для своего приобщения духовному в чувственном. Но Я лишает себя истинной духовной действительности в мире, поскольку оно жаждет чего-нибудь от чувственного мира, когда при этом молчит духовное. Если чувственное наслаждение как выражение духа означает возвышение и развитие Я, то наслаждение, не являющееся таким выражением, означает обеднение, оскудение Я. Если такое вожеление и получает свое удовлетворение в чувственном мире, то его опустошающее действие на Я все-таки остается. Но только до смерти это разрушающее действие не бывает зримо для Я. Поэтому при жизни удовлетворение, следующее за таким вожелением, может породить новые подобные желания. И человек совсем не замечает что он сам окутывает себя «пожирающим огнем». Только после смерти становится видимым то, что окружает его уже и при жизни, и благодаря тому, что оно становится видимым, оно сказывается в то же время и в своем целительном, благотворном действии. Кто любит какого-нибудь человека, того ведь привлекает в нем не только то, что можно ощутить физическими органами. Но только о последнем можно сказать, что оно со смертью перестает быть доступным восприятию. В любимом человеке становится тогда видимым как раз то, для восприятия чего физические органы служили только средством. Единственно, что препятствует этой полной видимости, это – существование такого вожеления, которое может быть удовлетворено только посредством физических органов. Но если бы это вожеление не было уничтожено, то сознательного восприятия любимого человека после смерти не могло бы вовсе наступить. С этой точки зрения, представление о том страшном и безутешном, что могли бы иметь в себе для человека события после смерти, как их описывает тайноведение, превращается в представление глубоко умиротворяющее и утешительное.

Ближайшие переживания после смерти еще в одном отношении совершенно отличаются от переживаний во время жизни. Во время очищения человек живет некоторым образом в обратном направлении. Он еще раз переживает все то, что он испытал в жизни с момента рождения. Он начинает с событий, непосредственно предшествовавших смерти, и переживает в обратном порядке еще раз все вплоть до детства. И при этом перед его взором духовно проходит все, что во время жизни исходило не из духовной природы его Я. Но и

это все переживает он теперь в обратном виде. Человек, умерший, например, на 60-м году и причинивший на своем 40-м году кому-нибудь в порыве гнева физическую или душевную боль, еще раз переживает это событие, когда в своем обратном жизненном странствии после смерти он доходит до своего сорокового года. Но только он переживает тогда не удовлетворение, которое он испытал при жизни благодаря этому поступку, а боль, которая была причинена им этому человеку. Но из вышесказанного можно в то же время увидеть, что только то ощущается в подобном событии после смерти мучительно, что родилось из вожделений Я, коренящихся лишь во внешнем физическом мире. В действительности, Я вредит не только другим, но и самому себе, удовлетворяя такие вожделения. Но только этот вред, наносимый самому себе, остается для него при жизни невидимым. После смерти весь этот мир губительных вожделений становится видимым для Я. И к каждому существу, и к каждой вещи, в связи с которой загорелось такое вожделение, Я испытывает тогда влечение для того, чтобы это вожделение, как оно возникло, так могло бы быть и уничтожено в «пожирающем огне». Лишь когда человек доходит в своем обратном странствии до момента своего рождения, все подобные вожделения оказываются прошедшими через очистительный огонь; теперь ему ничто не препятствует вполне отдаться духовному миру, и он вступает на новую ступень бытия. Как он оставил при смерти физическое тело, а вскоре затем и эфирное, так теперь распадается та часть астрального тела, которая может жить лишь в сознании внешнего физического мира. Таким образом, для тайноведения существуют три трупa: физический, эфирный и астральный. Мгновение, когда этот последний покидается человеком, определяется тем, что срок очищения составляет тогда приблизительно треть того времени, которое прошло между рождением и смертью. Только позднее, когда будет с точки зрения тайноведения рассмотрен ход человеческой жизни, станет понятна причина, почему это так. Для ясновидящего наблюдения в окружающем человека мире всегда видимы астральные трупы, отброшенные людьми, которые из состояния очищения перешли в высшее бытие – совершенно так же, как и физическое восприятие там, где живут люди, имеет случай наблюдать физические трупы. (В литературе состояние Я от смерти до окончания очищения обозначают часто как «Кама-локу».)

После очищения для Я наступает совершенно новое состояние сознания. Между тем как до смерти к нему должны были притекать восприятия извне, чтобы на них мог упасть свет сознания, теперь как бы изнутри изливается целый мир, доходящий до сознания. Между рождением и смертью Я также живет в этом мире. Но только этот мир облекается тогда в откровения внешних чувств. И только, когда Я, отрешившись от всякого чувственного восприятия, воспринимает себя в своем «самом внутреннем святом святых», обнаруживается непосредственно то, что обыкновенно является только под покровом чувственного. Как до смерти происходит внутри восприятие Я, так после смерти и очищения раскрывается изнутри во всей своей полноте духовный мир. В сущности, это окровение духовного мира наступает тотчас же по отложении эфирного тела; но только перед ним, как затемняющее облако, расстилается мир вожделений, еще обращенных на внешний мир. Это как если бы в блаженный мир духовного переживания вторглись черные демонические тени, возникающие из «в огне пожираемых» вожделений. Эти вожделения теперь не только тени, а действительные существа. Это обнаруживается сейчас же, как только Я лишается физических органов и может благодаря этому воспринимать духовное. Эти существа являются тогда как искаженные образы и карикатуры того, что человеку было известно до тех пор через чувственное восприятие. Ясновидящее наблюдение говорит, что этот мир очистительного огня населен существами, вид которых для духовного взора ужасен и причиняет страдание; их наслаждение состоит, по-видимому, в уничтожении, а страсть их направляется на зло, в сравнении с которым зло чувственного мира кажется незначительным. Все, что человек приносит с собою в этот мир из означенных вожделений, является для этих существ как

бы пищей, благодаря которой все снова усиливается и укрепляется их мощь. Набросанная здесь картина недоступного для внешних чувств мира покажется человеку менее невероятной, если он взглянет непредвзятым взором на какую-нибудь часть животного мира. Чем является духовному взору свирепо блуждающий волк? Что раскрывается в том, что воспринимают в нем внешние чувства? Не что иное, как душа, живущая и действующая в вожделениях. Внешний облик волка можно назвать воплощением этих вожделений. Не будь у человека никаких органов для восприятия этого облика, он все-таки должен был бы признать бытие соответствующего существа, если бы невидимые вожделения этого существа сказывались в своих действиях, если бы повсюду блуждала невидимая для глаза сила, которая могла бы совершать все то, что совершает видимый волк. Правда, существа очистительного огня видимы не для чувственного, а только для ясновидящего глаза; но мы имеем перед собой их явные действия: они состоят в разрушении Я, когда оно дает им пищу. Эти действия становятся ясно видимыми, когда правомерное наслаждение возрастает до неумеренности и распутства. Ибо воспринимаемое внешними чувствами могло бы возбудить Я, лишь поскольку наслаждение имеет основу свою в сущности Я. Животное побуждается во внешнем мире к желанию только тем, чего жаждут его три тела. У человека есть более высокие наслаждения, ибо к трем телесным членам присоединяется еще четвертый – Я. Но когда Я стремится к такому удовлетворению, которое служит не к сохранению и поддержанию, а к разрушению его сущности, то такое стремление не является действием ни его трех тел, ни его собственной природы, а только действием существ, которые остаются в своем подлинном облике скрытыми для внешних чувств, но могут именно подступать к высшей природе Я и побуждать его к вожделениям, не связанным с чувственностью, но могущим только через нее получать удовлетворение. Есть существа, которые питаются страстями и вожделениями более низкого свойства, нежели все животные страсти, ибо они не изживаются в чувственном, а захватывают духовное и тянут его вниз, в чувственную область. Поэтому облики таких существ представляются духовному взору более уродливыми и ужасными, чем облики самых хищных животных, в которых воплощаются ведь только страсти, имеющие основу в чувственном; и разрушительные силы этих существ безмерно превышают всю ярость разрушения, встречающуюся в чувственно воспринимаемом животном мире. Тайноведение расширяет, таким образом, кругозор человека, указывая на мир существ, который в известном отношении стоит ниже, чем видимый мир животных, приносящих разрушение.

Когда человек после смерти прошел через этот мир, он стоит перед иным миром, духовным, который порождает в нем желание, находящее свое удовлетворение только в духовном. Но и теперь человек различает между тем, что принадлежит к его Я, и тем, что составляет окружающее – можно также сказать, духовный внешний мир – этого Я. Но то, что он переживает в этом окружающем, притекает к нему таким же образом, как во время его пребывания в теле притекает к нему восприятие его собственного Я. Итак, между тем как при жизни между рождением и смертью окружающий человека мир возвещает о себе через органы его тел, по отложении всех этих тел язык нового мира проникает непосредственно в «самое внутреннее святилище» Я. Все окружающее человека наполнено теперь существами, однородными с его Я, ибо только Я имеет доступ к Я. Как в чувственном мире человека окружают минералы, растения и животные и образуют этот мир, так после смерти человек окружен миром, состоящим из существ духовного рода. Однако человек приносит с собою в этот мир нечто такое, что не входит в состав окружающего его мира. Это то, что Я пережило в чувственном мире. Вначале, непосредственно после смерти, пока эфирное тело было еще связано с Я, сумма этих переживаний встала в виде обширной картины воспоминания. Хотя само эфирное тело впоследствии и покидается, однако от картины воспоминания остается нечто, как непреходящее достояние Я. Как если бы из всех переживаний и познаваний, которые человек имел между рождением и смертью, был сделан экстракт, извлечение – вот чему можно

уподобить то, что остается. Это духовный итог жизни, плод ее. Итог этот носит духовный характер: он содержит в себе все духовное, что раскрывается через внешние чувства. Но без жизни в чувственном мире он не мог бы состояться. Этот духовный плод чувственного мира Я ощущает после смерти как то, что является теперь его собственным, его внутренним миром, и с чем оно вступает в мир, состоящий из существ, которые раскрываются таким же образом, как может раскрываться самому себе в своей внутренней глубине только Я. Как зародыш растения, который есть экстракт всего растения, развивается только будучи погружен в иной мир – в землю, так развивается теперь то, что Я приносит с собой из чувственного мира, подобно зародышу, на который оказывает действие принявшее его отныне в себя духовное окружение. Тайноведение может давать, конечно, только образы, когда ему приходится описывать происходящее в этой «стране духов». Но эти образы могут быть таковы, что они представляются настоящей действительностью ясновидящему взору, когда он наблюдает соответствующие, невидимые чувственному глазу события. Описываемое здесь может быть сделано наглядным при помощи сравнений с чувственным миром. Ибо, хотя оно и совершенно духовного рода, однако в известном отношении оно имеет сходство с чувственным миром. Как в этом мире является, например, цвет, когда тот или иной предмет действует на глаз, так в «стране духов» перед Я предстает цвет, когда на него действует какое-нибудь существо. Но только этот цвет вызывается так, как в жизни между рождением и смертью может быть вызвано внутри только восприятие Я. Это происходит не так, как если бы свет падал извне в человека, а так, если бы другое существо непосредственно действовало на Я и побуждало его представить себе это действие в красочном образе. Так все существа в духовном окружении Я находят свое выражение в сияющем красками мире. Будучи другого происхождения, эти краски духовного мира носят, разумеется, несколько иной характер, чем чувственные краски. То же самое надо сказать и относительно других впечатлений, получаемых человеком из чувственного мира. Наибольшим сходством с впечатлениями этого чувственного мира обладают звуки духовного мира. И чем больше человек вживается в этот мир, тем больше он становится для него исполненной движения жизнью, которую можно сравнить со звуками и их гармонией в чувственной действительности. Только он чувствует звуки не как нечто, извне доходящее до его слуха, а как силу, через его Я струящуюся в мир. Он чувствует звук, как во внешнем мире чувствует свою собственную речь или пение, но только он знает, что в духовном мире эти льющиеся из него звуки суть в то же время проявления иных существ, изливающихся через него в мир. Еще более высокое проявление совершается в «стране духов», когда звук становится «духовным словом». Тогда через Я льется не только исполненная движения жизнь другого духовного существа, но такое существо само сообщает этому Я свою внутреннюю глубину. И когда через Я струится «духовное слово», то два существа живут одно в другом без того разделения, которое необходимо сопровождает каждое совместное бытие в чувственном мире. И таким является действительно совместное бытие Я с другими духовными существами после смерти.

Существуют три области страны духов, которые можно сравнить с тремя частями физического чувственного мира. Первая область составляет некоторым образом «материк» духовного мира, вторая – «область морей и рек» и третья – «воздушный круг». То, что принимает на Земле физические формы, так что может быть воспринято физическими органами, воспринимается в своей духовной сущности в первой области «страны духов». Там можно, например, познать силу, которая дает кристаллу его форму. Но только открывающееся здесь является как бы противоположностью того, что выступает в чувственном мире. Пространство, заполненное в чувственном мире каменной массой, представляется духовному взору как бы пустою полостью, но вокруг этой полости можно видеть силу, придающую камню его форму. Цвет, присущий камню в чувственном мире, представляется в духовном мире дополнительным цветом. Таким образом, красный камень при взгляде на него из страны духов

будет зеленоватым, зеленый – красноватым и т. д. Также и другие качества являются в своей противоположности. Как камни, массы земли и т. п. образуют сушу – материк – чувственного мира, так описанные образования составляют сушу духовного мира. Все, что в чувственном мире является жизнью, составляет в духовном область моря. Чувственному зору жизнь является в своих действиях в растениях, животных и людях. Для духовного зора жизнь есть текущая сущность, которая подобно морям и рекам пронизывает страну духов. Еще лучше сравнить ее с кровообращением в теле. Ибо, между тем как моря и реки в чувственном мире распределены неправильно, в распределении текущей жизни в стране духов господствует известная равномерность, как в кровообращении. Именно эта «текущая жизнь» и воспринимается в то же время как духовное звучание. Третью область страны духов составляет его «воздушный круг». Что в чувственном мире выступает как ощущение, то в области духа проникает все таким же образом, как на Земле воздух. Надо представить себе море текущих ощущений. Скорбь и страдание, радость и восторг проносятся в этой области подобно ветру и буре в воздушном круге чувственного мира. Представьте себе происходящую на Земле битву. Здесь стоят друг против друга не только видимые чувственным глазом фигуры людей, но также и чувства против чувств, страсти против страстей. Страдания заполняют поле битвы так же, как фигуры людей. Все страсти, все страдания, вся радость победы, какие живут на поле битвы, все это существует не только, поскольку оно проявляется в чувственно воспринимаемых действиях, но оно может быть видимо духовным чувством как событие в воздушном круге страны духов. В духовном такое событие – как гроза в физическом мире. И восприятие этих событий можно сравнить с слышанием слов в физическом мире. Поэтому говорят: как воздух окутывает и проникает земные существа, так «веющие духовные слова» – существа и события страны духов.

В этом духовном мире возможны еще и другие восприятия. Здесь есть также и то, что можно сравнить с теплотой и светом физического мира. Как теплота проникает земные вещи и существа, так в стране духов проникает все мир мыслей. Но только мысли надо представлять себе здесь как живые самостоятельные существа. Что человек постигает в видимом мире как мысли, это как бы тени того, что в стране духов живет как мысле-существа. Представьте себе мысль, как она бывает у человека, извлеченной из этого человека и одаренной, как деятельное существо, самостоятельной внутренней жизнью, и тогда вы получите слабое, образное выражение того, что наполняет четвертую область страны духов. То, что человек в своем физическом мире между рождением и смертью воспринимает как мысли, есть только откровение мира мыслей, как оно может произойти через органы тел. Но все те мысли человека, которые означают обогащение в физическом мире, берут свое начало в этой области. При упоминании о таких мыслях не следует иметь в виду одни только идеи великих изобретателей или гениальных личностей, но у каждого человека можно наблюдать, как ему «приходят в голову мысли», которыми он не только бывает обязан внешнему миру, но и преобразует этот внешний мир. Поскольку дело касается чувств и страстей, побуждение к которым находится во внешнем мире, постольку эти чувства и т. д. могут быть восприняты в третьей области страны духов. Но все, что живет в человеческой душе таким образом, что человек становится творцом и действует преобразующе и оплодотворяюще на окружающий его мир, – все это в своем подлинном, сущностном облике раскрывается в четвертой области духовного мира. То, что находится в пятой области, можно сравнить с физическим светом. Он в своем подлинном облике – проявляющаяся мудрость. Существа, изливающие мудрость в свое окружение, как Солнце проливает свет на физические существа, принадлежат к этой области. То, на что падает свет этой мудрости, является в своем истинном смысле и значении для духовного мира, подобно тому как и физическое существо являет свой цвет, когда оно освещается светом. Есть еще более высокие области страны духов. Их описание будет дано в этой книге дальше.

После смерти Я погружается в этот мир вместе с тем итогом, который оно приносит с собой из чувственной жизни. И этот итог еще соединен с той частью астрального тела, которая не была сброшена в конце очистительного периода. Отпадает ведь только та часть, которая после смерти своими вожделениями и желаниями обращена была к физической жизни. Погружение Я со всем тем, что оно приобрело из чувственного мира в мир духовный, можно сравнить с погружением семени в пригодную для него землю. Как это семя притягивает к себе из своего окружения вещества и силы, чтобы развиваться в новое растение, как развитие и рост составляет сущность Я, погруженного в духовный мир. В том, что воспринимает какой-нибудь орган, скрыта также и сила, которая образует самый этот орган. Глаз воспринимает свет. Но без света не было бы глаза. Существа, проводящие свою жизнь в темноте, не вырабатывают в себе органа зрения. Таким образом, весь телесный человек сотворен скрытыми силами того, что воспринимается посредством органов тел. Физическое тело построено силами физического мира, эфирное тело – силами жизненного мира, а астральное тело сложилось из астрального мира. Когда Я переходит в страну духов, перед ним выступают те силы, которые остаются скрытыми для физического восприятия. То, что видимо в первой области страны духов, это – духовные существа, которые всегда окружают человека и которые построили также и его физическое тело. Таким образом, в физическом мире человек воспринимает не что иное, как откровение тех духовных сил, которые образовали его физическое тело. После смерти он находится среди самих этих творческих сил, являющихся ему теперь в своем подлинном, сокрытом прежде облике. Точно так же во второй области он находится среди сил, из которых состоит его эфирное тело; в третьей области к нему притекают силы, из которых сложилось его астральное тело. Также и более высокие области страны духов посылают ему теперь то, из чего он был построен во время жизни между рождением и смертью.

Эти существа духовного мира действуют отныне совместно с тем, что человек принес с собою, как плод, из прошлой жизни и что теперь становится зачатком. Через эту совместную деятельность человек и создается вновь как духовное существо. Во время сна остаются физическое и эфирное тела.

Астральное тело и Я хотя и находятся вне их, но еще связаны с ними. Влияния, которые они получают в таком состоянии из духовного мира, могут служить только для восстановления истощенных во время бодрствования сил. Но когда отброшены физическое и эфирное тело, а после очистительного периода также и части астрального тела, которые своими вожделениями были еще связаны с физическим миром, то все, что притекает к Я из духовного мира, служит не только для исправления, но и для нового созидания. И спустя известное время, о котором будет речь дальше в этой книге, вокруг Я слагается астральное тело, которое снова может жить в таком эфирном и физическом теле, какие присущи человеку между рождением и смертью. Человек может снова пройти через рождение и появиться в новом земном бытии, включившем в себя плод прежней жизни. До нового образования астрального тела человек является свидетелем своего воссоздания. Так как силы страны духов раскрываются ему не через внешние органы, а изнутри, как раскрывается Я в самосознании, то он может воспринимать это откровение до тех пор, пока его чувства еще не обращены на внешний мир восприятий. С того мгновения, как астральное тело снова образовано, эти чувства обращаются на внешнее. Астральное тело требует теперь опять внешнего эфирного и физического тела. Тем самым оно отвращается от откровений внутреннего мира. Поэтому теперь наступает промежуточное состояние, когда человек погружается в бессознательность. Сознание может появиться снова лишь в физическом мире, когда образовались необходимые для физического восприятия органы. В это время, когда прекращается освещенное внутренним восприятием сознание, новое эфирное тело начинает присоединяться к астральному телу, и тогда человек может опять войти в физическое тело. В этих двух процес-

сах присоединения может сознательно участвовать только такое Я, которое породило из себя силы, скрыто действующие в эфирном и физическом теле, – Жизне-духа и Духо-человека. Пока человек еще не настолько развит, присоединением этим должны руководить существа, которые в своем развитии ушли дальше, чем он сам. Такие существа направляют астральное тело к чете родителей, чтобы оно могло быть наделено соответствующим эфирным и физическим телом. Прежде чем совершится присоединение эфирного тела, происходит нечто необычайно важное для вновь вступающего в физическое бытие человека. Он создал ведь в своей прошлой жизни задерживающие силы, которые проявились при его обратном странствии после смерти. Возьмем опять приведенный раньше пример. Предположим, что человек в порыве гнева на сороковом году своей прошлой жизни причинил кому-нибудь страдание. После смерти это страдание другого предстало перед ним как сила, задерживающая развитие его собственного Я. И так происходит со всеми подобными событиями прошлой жизни. При новом вступлении в физическую жизнь перед Я опять стоят эти препятствия к развитию. Как с наступлением смерти перед человеческим Я вставала своего рода картина воспоминания, так теперь возникает прозрение в наступающую жизнь. Опять видит человек подобную картину, показывающую ему теперь все препятствия, которые он должен устранить, чтобы его развитие могло идти дальше. И то, что он таким образом видит, становится исходною точкою для сил, которые человек должен взять с собою в новую жизнь. Картина страдания, причиненного им другому, становится силою, которая побуждает Я при его новом вступлении в жизнь искупить это страдание. Так прошлая жизнь действует определяющим образом на новую. Поступки, совершаемые в этой новой жизни, обусловлены в некотором роде поступками прошлой жизни. Эту закономерную связь прежнего бытия с последующим надо рассматривать как закон судьбы. Принято обозначать его заимствованным из восточной мудрости выражением «Карма».

Созидание нового телесного состава не является, однако, единственной деятельностью, которую надлежит человеку выполнить между смертью и новым рождением. Пока происходит это созидание, человек живет вне физического мира. Но тем временем этот мир движется в своем развитии дальше. В течение сравнительно коротких промежутков времени Земля меняет свое лицо. Какой вид имели несколько тысячелетий тому назад области, которые заняты теперь Германией? Когда человек появляется на Земле для нового существования, она обычно никогда не имеет того вида, какой она имела во время его последней жизни. За время его отсутствия на Земле очень многое изменилось. В этом изменении лица Земли тоже действуют скрытые силы. Они действуют из того же мира, в котором человек находится после смерти. И он сам принужден участвовать в этом преобразовании Земли. Но пока он через рождение в себе Жизне-духа и Духо-человека не приобрел ясного сознания о связи между духовным и его выражением в физическом, до тех пор участие это может протекать только под руководством высших существ. Он участвует в этом превращении земных условий. Можно сказать, что в промежуток времени между смертью и новым рождением люди так преобразуют Землю, что условия жизни на ней соответствуют тому, что развилось в них самих. Если мы в определенный момент наблюдаем какую-нибудь местность на Земле и затем по истечении долгого времени находим ее в совершенно измененном состоянии, то силы, вызвавшие это изменение, исходят от умерших. Таким образом, они находятся и между смертью и новым рождением в связи с Землей. Ясновидящее наблюдение видит во всем физическом бытии откровение скрытого духовного. Для физического наблюдения изменение Земли обуславливается действием солнечного света, переменою климата и т. д. Для ясновидящего наблюдения в луче света, падающего с Солнца на растение, действует сила умерших. Это наблюдение видит, как человеческие души витают над растениями, как они изменяют почву Земли и т. п. После смерти человек занят не только самим собой, не одной только подготовкой к своему новому земному существованию. Нет, он бывает при-

зван тогда к духовной работе над внешним миром, как во время жизни между рождением и смертью он призван к работе физической.

Но не только жизнь человека из страны духов действует на условия физического мира, а также и обратно – деятельность в физическом существовании имеет свои последствия в духовном мире. Можно наглядно показать на примере, что происходит в этом отношении. Существует связь любви между матерью и ребенком. Эта любовь проистекает из притяжения между обоими, которое коренится в силах чувственного мира. Но она меняется с течением времени. Чувственные узы становятся все более духовными. И эти духовные узы завязываются не только для физического мира, но также и для страны духов. То же самое касается и других отношений. То, что создается духовными существами в физическом мире, продолжает существовать и в мире духовном. Друзья, тесно связанные между собою при жизни, остаются вместе и в стране духов, и по отложении тел общение их становится еще более тесным, чем в физической жизни. Ибо, как духи, они существуют друг для друга так, как было сказано выше при описании того, как духовные существа открываются друг другу внутренним образом. И узы, заключенные между двумя людьми, приводят их к встрече и в новой жизни. Поэтому можно сказать в истинном смысле этого слова, что люди находят друг друга после смерти.

То, что произошло однажды с человеком между рождением и смертью и между смертью и новым рождением, повторяется снова. Человек опять возвращается на Землю, когда плод, приобретенный им в физической жизни, созрел в стране духов. Но это не есть повторение без начала и конца; напротив, человек некогда из иных форм существования перешел к формам, которые протекают вышеописанным образом, и в будущем перейдет опять-таки к другим. Эти переходные ступени выяснятся ближе, когда в духе тайноведения будет описано дальше развитие вселенной в связи с человеком.

Процессы между смертью и новым рождением, конечно, еще более скрыты для внешнего чувственного наблюдения, нежели то, что лежит как духовное в основе видимого бытия между рождением и смертью. Что касается этой части скрытого мира, то чувственное наблюдение может видеть действия его только там, где они вступают в физическое бытие. Для чувственного наблюдения должен возникнуть вопрос: вступая через рождение в бытие, приносит ли с собой человек что-нибудь из того, что описывается тайноведением, как процессы между предыдущей смертью и рождением. Всякий, найдя раковину улитки, в которой нет животного, признает, конечно, что эта раковина создана деятельностью животного, и не сможет подумать, что она приняла свою форму благодаря одним только физическим силам. Точно так же всякий, кто наблюдает человека в жизни и видит что-нибудь такое, что не может происходить из этой жизни, может разумно допустить, что оно происходит из областей, описываемых тайноведением, особенно, если таким образом проливается свет на то, что иначе было бы необъяснимо. Так что и здесь чувственно-рассудочному наблюдению могли бы из видимых действий стать понятны невидимые причины. И кто совершенно непредвзято рассматривает эту жизнь, тот с каждым новым наблюдением все более будет убеждаться, что это так. Дело только в том, чтобы найти правильную точку зрения для наблюдения этих действий в жизни. В чем сказываются, например, действия того, что тайноведение описывает как события времени очищения? Как проявляется действие того, что по показаниям духовного исследования человек переживает после времени очищения в чисто духовной области?

Немало загадок встает здесь перед каждым, кто серьезно и глубоко наблюдает жизнь. Мы видим, как один рождается среди нужды и горя, наделенный лишь ничтожными способностями, так что он этими фактами, определяемыми самим рождением, является как бы предназначенным к жалкому существованию. Другого же с первого мгновения его жизни оберегают и лелеют заботливые руки и сердца; у него развиваются блестящие способности; у него все данные для плодотворной, дающей удовлетворение жизни. Два противоположных

образа мышления можно встретить по поводу этого вопроса. Один из них будет придерживаться того, что могут воспринимать внешние чувства и что может понять связанный с этими чувствами рассудок. И что один человек рождается для счастья, а другой для несчастья, для этого образа мышления не составит вопроса. Если он даже не употребит слова «случай», он все-таки никогда не признает закономерной связи, которая это обуславливает. А что касается задатков и способностей, то такой образ представления ограничится тем, что «унаследовано» от родителей, дедов и других предков. Он откажется искать причины в духовных событиях, через которые человек прошел до своего рождения – вне линии наследственности своих предков – и благодаря которым он выработал в себе свои задатки и способности. Другой же образ мышления не удовлетворится таким пониманием вещей. Он скажет: ведь и в видимом мире в любом месте или в любой среде не происходит ничего без причин, которые приходится предположить, чтобы объяснить, почему это так. Пусть даже человек во многих случаях не исследовал еще этих причин, но они существуют. Горный цветок не растет в долине. В его природе заложено нечто, что приводит его в горную местность. Точно так же и в человеке должно существовать нечто такое, что заставляет его родиться в известной среде. Причинами, лежащими только в физическом мире, этого объяснить нельзя. Для того, кто мыслит глубже, это то же самое, как если бы факт нанесения одним человеком другому удара захотели бы объяснить не чувствами ударившего, а физическим механизмом его руки. Точно так же этот образ мышления должен остаться неудовлетворенным и всеми попытками объяснить задатки и способности одною только «наследственностью». Правда, о ней можно сказать: посмотрите, как известные задатки наследуются в семьях. В течение двух с половиной столетий членами семейства Бах наследовались музыкальные способности. Из семейства Бернулли вышло восемь математиков, которые в детстве были частью предназначены к совершенно другим занятиям. Но «унаследованные» способности всегда влекли их к особому призванию их семьи. Далее можно сослаться на то, как путем точного исследования ряда предков какого-нибудь лица можно показать, что дарование этого лица так или иначе проявлялось у его предков и что оно представляет собою как бы только сумму унаследованных задатков. Кто придерживается означенного второго образа мышления, не оставит, конечно, без внимания подобные факты, но для него они не могут быть тем, чем они являются для того, кто в своих объяснениях хочет опираться только на протекающие в чувственном мире процессы. Он укажет на то, что унаследованные задатки не могут сами собою сложиться в цельную личность, как металлические части часов не могут сами собою составить часов. Если же ему возразят, что сочетание задатков создается обоими родителями вместе и что это как бы заменяет часовщика, то он ответит: взгляните без предвзятости на то совершенно новое, что дано в каждой личности ребенка: оно не может происходить от родителей уже просто потому, что в них его нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.